

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES

КЭРОЛИН БРАУН

*Время
сестер*

Королева романтической прозы

Кэролин Браун

Время сестер

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Браун К.

Время сестер / К. Браун — «Издательство АСТ»,
2018 — (Королева романтической прозы)

ISBN 978-5-17-119046-0

В детстве Дана, Харпер и Тони не особо ладили между собой и виделись только летом в маленьком пансионате у доброй бабушки Энни. Спустя годы у женщин по-прежнему не так много общего: непутевый отец и наследство, которое они получают с одним условием – управлять пансионатом сообща. Трем женщинам с разными судьбами предстоит вновь собраться на берегу живописного озера в Техасе, чтобы помимо нескольких коттеджей, маленького домика, кафе и магазинчика, обрести ворох воспоминаний, секретов...и свою семью. Теплая, волшебная сказка о настоящей дружбе, прощении и любви надолго останется в сердце каждого.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-119046-0

© Браун К., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	19
Глава третья	26
Глава четвертая	34
Глава пятая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Кэролин Браун

Время сестер

Роман

Carolyn Brown

The sometimes sisters

© Carolyn Brown, 2018

© Максимова И., перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Эта история, как необработанный алмаз, требует полировки, чтобы проявить свои скрытые блеск и красоту.

Спасибо моему редактору Кристе Стровер за то, что она полирует мои истории, чтобы подчеркнуть все оттенки чувств.

Благодаря ей эта история засияла как бриллиант.

Глава первая

– Обещай мне, – прошептала Энни.

– Обещаю, – кивнул Седекия со слезами на глазах.

– Обещай, что приведешь их всех сюда, в родной дом. – Она подняла руку и коснулась его щеки. – Им нужно залечить раны.

– Приведу. Отдохни пока. – Сед прижимал ее хрупкое тело к себе, слегка покачивая.

На протяжении двух дней она время от времени теряла сознание, и каждый раз, приходя в себя, снова и снова заставляла его обещать, что он вернет ее внуков в родной пансионат у озера. Внезапно ее глаза раскрылись, и она обхватила руками его лицо.

– Ты...

По ее лицу ручьем потекли слезы.

– Знаю, Энни.

Их щеки соприкоснулись, и потоки соленых слез смешались вместе.

– Я любила тебя с тех пор, как мы были детьми. – Она сделала глубокий вдох и начала медленно выдыхать воздух.

– Ох, Энни... – начал он, но вдруг понял, что она больше не дышит.

Весь мир замер, а он все продолжал прижимать ее к себе. Одно сердце билось ровно, беззвучно раскалываясь на кусочки. Другое сердце, которое десятилетиями билось с ним в унисон, заснуло вечным сном, оставив его одного.

– Господи, за что? – взмолился он. – Я должен был уйти первым!

Прекрати! – Голос Энни прозвучал так ясно в голове Седа, что он взглянул на ее губы, проверяя, не задышала ли она. – *Я же тебя просила – никакой скорби. Мы просто расстаемся на время и скоро снова будем вместе. Помнишь, когда ты ушел на фронт и мы были далеко друг от друга? Пока что у тебя есть задание. Так что сейчас же возьми себя в руки, Седекия, и позвони девочкам.*

Настал момент, который они обсуждали последние три месяца, складывая всю мозаику по кусочкам. За исключением мелких деталей, по которым они так и не пришли к общему мнению, план действий для следующего этапа, как она его назвала, был готов. Но Сед и представить себе не мог, насколько тяжело ему будет отпустить ее навсегда, когда придет время.

Он мягко опустил ее на подушку, переплел пальцы своих черных рук с ее бледными пальчиками и наклонился, чтобы поцеловать каждую костяшку.

– Ох, Энни, я не смогу без тебя жить.

Девочки тебе помогут, – прозвучал нежный голос в его голове. – *А теперь отпусти меня, Сед. У тебя много дел.*

– Не могу, – простонал он.

Он сидел и сидел у ее кровати, и только через полчаса позвонил врачу, который по совместительству был также и коронером округа. Когда пришли за телом, Сед шел рядом с каталкой до фургона, держа Энни за руку.

– Понимаю, у нас с Энни были предварительные договоренности, но все же... Быть может, ты хотел бы поехать в похоронное бюро, чтобы повидаться с ней на прощание перед тем, как... – начал врач и замаялся.

Сед медленно покачал головой.

– Она просила меня этого не делать, а я должен выполнять ее желания. Я не могу с ней проститься. Никогда не мог и не могу до сих пор, но пока я вас ждал, мы с ней все решили. Позвоните, когда можно будет приехать забрать прах.

В конце его голос дрогнул.

Доктор похлопал Седа по плечу.

- Прими мои соболезнования, Сед. Она была потрясающей женщиной и верным другом.
- Моим *лучшим* другом, – сказал он, вытирая слезы. – Мы столько пережили вместе.
- Если что-нибудь будет нужно, звони.
- Спасибо. Прямо сейчас нужно позвонить девочкам, как бы мне не хотелось.
- Разве они еще не здесь?

Сед провел рукой по кудрявой седеющей шевелюре.

- Энни не разрешала им говорить. Без рыданий. Без шума. Такая уж она была.
- Это точно, – кивнул доктор. – Мне очень, очень жаль, Сед.
- Благодарю.

Сед провожал взглядом фургон, пока тот не скрылся из виду, и при этом не переставал махать, прямо как в тот день много-много лет назад махал из окна автобуса, увозившего его на войну, как можно дальше от Энни и ее нового мужа. Он надеялся, что забудет ее, но ни время, ни расстояние так и не смягчили боль. Энни вышла замуж за его друга Шеймаса Клэнси. Если бы Сед родился блондином с белой кожей, то прекрасная Энни принадлежала бы ему. Но боль в день ее свадьбы не могла сравниться с болью, царившей в его сердце этим утром, когда фургон коронера медленно исчезал за горизонтом, а над мостом через озеро разливался свет восходящего солнца.

* * *

С каждой милей голова Харпер гудела все сильнее. Она была за рулем все того же пикапа выжженного оранжевого цвета, что и два года назад, когда по пути в Оклахому она ненадолго заезжала в дом у озера, чтобы поработать в одном из казино на другом берегу Ред-ривер. С тех пор, как она в последний раз ночевала в том доме, прошло уже десять лет. После того лета ее жизнь больше никогда не будет прежней.

Каждый раз, когда она проезжала мимо озера, она ощущала камень на сердце, тяжелый как «бьюик». Этот камень лежал там с того дня, когда она отказалась от своей дочери, и по-прежнему причинял невыносимую боль.

Харпер сбросила скорость, увидев ликеро-водочный магазин, но не затормозила. Ее сестры, Тауни и Дана, ухмыльнулись, если бы узнали. Заявись она с бумажным пакетом за пазухой, у них появилось бы настоящее раздолье для шуток. Первый поворот направо перед мостом, и вот она на месте: двенадцать коттеджей, перед которыми располагались магазин и кафе. Неподалеку примостился небольшой белый домик с двумя спальнями. Здесь и жила бабушка Энни, а Харпер с двумя сестрами приезжали сюда на месяц каждое лето до того момента, пока все резко не оборвалось в августе, незадолго до шестнадцатилетия Харпер.

Батон, блесна и болонская колбаска – так бабушка Энни называла свой магазинчик. Конечно, это были не единственные товары – там продавались также пиво и разные другие закуски, а на отдельной полке стояли товары для походной аптечки, солнцезащитный крем и мазь от ожогов на случай, если постояльцы забыли прихватить их с собой. В магазине также были холодильники с молоком и безалкогольными напитками, большой аквариум с мальками и отдельный холодильник для хранения готовой наживки в банках, а у входа расположились две бензоколонки, чтобы лодки, а также машины и фургоны всегда были на ходу.

Харпер помнила в этом магазине каждую полочку. Она подъехала с торца к входу в кафе. Здесь дядя Сед готовил лучшие блюда во всем северном Техасе, а Флора поддерживала чистоту. Десятилетиями этот бизнес приносил плоды, но теперь одного из трех его основателей не стало.

Она припарковалась и откинула голову на спинку сиденья, закрыв глаза. Без запасного колеса. Бензобак пуст, как и кошелек. «Одними молитвами да попутным ветром», – прошептала она, вдыхая терпкие запахи озерной воды и свежескошенной травы, аромат первых весен-

них роз вперемешку с сигаретным дымом. Пансионат «У озера», как гласила выцветшая дверная табличка, ни капли не изменился.

На пороге показался дядя Сед и помахал ей рукой. Его зеленые глаза смотрелись нелепо на фоне черной как смоль кожи. Кудрявые волосы, в прошлом короткие и насыщенно-черного цвета, теперь стали немного длиннее и с сильной проседью; все же ему уже было лет семьдесят, а может, семьдесят один или два. Он был такого же возраста, как бабушка и покойный дедушка Харпер. Дядя Сед, все такой же щуплый, выглядел так, будто не выходит из дома без тяжелых булыжников в карманах, чтобы весенний бриз не подхватил и не унес его к озеру, хотя он всегда был худой как жердь и не снимая носил рабочий комбинезон. Все же есть в этой жизни постоянство, и слава богу, что есть.

Как только Харпер поднялась с сиденья и опустила ноги на землю, ее снова пронзила головная боль.

– Доброе утро, дядя Сед.

По правде говоря, дядей он был ей не родным, а скорее просто был ей как дядя или, может, даже как дедушка. И уж, конечно, он был гораздо больше, чем просто работник пансионата. Самая старшая из трех сестер, Дана, стала называть его дядей, а Харпер и Тауни последовали ее примеру.

Вчера ночью, осушая бутылку виски, она поклялась себе, что больше никогда не будет плакать, но при виде дяди Седа слезы сами навернулись ей на глаза. Она заключила его в крепкие объятия.

– Как же мы будем дальше без нее жить?

– Не знаю, но хорошо, что ты приехала. Нам всем сейчас нужна поддержка друг друга, – сказал он хриплым голосом, чувствуя, как ее слезы смешиваются со слезами на его щеке.

Ее ноздри заполнил сигаретный дым, перекрыв все остальные запахи. Она немного отстранилась, оставив руку на его плече, и спросила:

– Она страдала?

– Нет, дорогая. Она разговаривала со мной, а в следующую секунду ее вдруг не стало. Господь забрал ее быстро.

Он вытащил платок из кармана штанов и вытер ее щеки, а затем свои собственные.

– Остальные здесь?

– Дана и Брук уже в доме, – ответил Сед. – Час назад приехали. Брук растет не по дням, а по часам. По ней сразу видно – твоя племянница. Она мне напоминает тебя в ее возрасте, может, не внешне, но характером. Отнести твои вещи в один из коттеджей?

– Я сама отнесу, если решу остаться. А Тауни приедет? – спросила Харпер.

Сед сложил платок и засунул его обратно в карман.

– Она звонила вчера вечером и сказала, что будет. Ваша бабушка заранее все приготовила для вас, сестрички Клэнси, так что не подведите ее.

Харпер раскрыла было рот, чтобы сказать, что она уже подвела бабулю больше десяти лет назад, но передумала. Сейчас не время ворошить старые грехи. Еще пока рано открывать душу, тем более что никто не знал об этой истории.

– Буду стараться не подвести ее. Может быть, пойду разложу вещи в первом коттедже.

– На нем уже бронь. Завтра с утра заезжают рыбаки. Заселю тебя в двенадцатый. Зато будешь поближе к дому и кафе, – сказал Сед. Он подошел к машине и оглядел гору коробок на заднем сиденье. – Похоже, ты все-таки сюда надолго, признаешь ты это или нет.

– От тебя, как обычно, ничего не скроешь, – улыбнулась она. – Вопрос в том, куда ли именно. Может, я перееду насовсем, а может, через час соберусь и уеду.

– Что ж, будем надеяться, ты задержишься здесь дольше, чем на час. Один я здесь управиться не смогу – годы уже не те, еще и Флора скоро уходит. Она собиралась съехать еще на Рождество, но тогда у нас... – он осекся и поднял свои светлые глаза к небу, но наконец смог

взять себя в руки. – Она обещала Энни остаться здесь столько, сколько потребуется, чтобы вы, девочки, освоились на новом месте. А теперь садись за руль и подъезжай к двенадцатому коттеджу как можно ближе к входной двери, и будем разгружать.

В ряду одинаковых коттеджей были предусмотрены места для парковки. Но много лет назад Энни высадила плакучие ивы между домиками, поэтому теперь гости оставляли машины у входа. Сейчас эти деревья уже вымахали размером с коттеджи, а свежие махровые листочки на ветках прогоняли зиму прочь и приветствовали весну. Коттеджи были покрашены белой краской, причем каждый имел свою отделку, а на маленьком крыльце стоял винтажный садовый стул из металла. Казалось совершенно уместным, что Харпер будет жить в двенадцатом номере с красной дверью, красной декоративной отделкой и красным стульчиком на парадном крыльце.

Это ее наказание за те ночи, когда она тайком выбиралась из дома, чтобы встретиться с Уайаттом в этом самом коттедже, а красный цвет служил напоминанием обо всех ее грехах. Но Сед не знал о том, что произошло тем летом, поэтому точно не мог выбрать дом по этой причине. Скорее всего, все остальные коттеджи были просто забронированы, а этот будет пустовать долгое время. Харпер одернула себя и пожалела, что попыталась связать эти события.

Пока она во второй раз вылезала из машины, Сед уже откидывал задний борт. Он вынул из кармана комбинезона настоящий железный ключ, на большом брелке которого были выбиты цифры «12», и бросил ей.

Харпер поймала ключ в воздухе и вставила его в замочную скважину, но поворачивать не спешила.

Сед наконец поднял борт автомобиля, и тот со скрежетом распахнулся.

– Смазать бы тебе его. Ну чего стоишь? Рождества ждешь?

– Нет, Пасхи, – попыталась пошутить она, но шутка не удалась.

– Так до нее еще две недели, а ночью-то холодно. Ты же помрешь от пневмонии, если останешься ночевать на крыльце. Ну же, отпирай дверь, – сказал Сед, поставив два чемодана у входа, и ушел за коробками.

Харпер вдохнула так глубоко, что в груди заболело, и начала медленно выдыхать, открывая дверь. Шторы оказались распахнуты на большом окне у задней стены, и из него открывался вид на высокие сосны, ивы и несколько крупноплодных дубов. Она подошла к окну и увидела, как по краю опушки скачет кролик и пара белочек гоняется друг за другом среди веток деревьев. Повсюду порхали птички, воспевая весну.

Сед протолкнул чемоданы внутрь.

– Как замечательно жить у озера! Нет этого дурацкого кабельного телевидения и вай-фая.

Харпер резко обернулась.

– Хватит тебе уже таскать тяжести, дядя Сед. Я, кажется, замечталась. Оставь, я занесу все сама. Спасибо за все. Особенно за то, что был с бабушкой в ее последние недели. Если бы ты позвонил, я бы сразу приехала.

– Она не разрешала мне, ты же знаешь, если уж она что-то решила, то спорить бесполезно, – сказал он, вздохнув так глубоко, что, казалось, этот вздох поднялся из самых глубин его души. – Нам будет ее не хватать.

Харпер попыталась сглотнуть комок в горле, но он сдавил ей грудь.

– Я думала, она будет жить вечно. Она была мне опорой.

Только бы Сед не уходил – она была пока не готова остаться в доме одна. Еще немного, и на нее волной нахлынут воспоминания.

– Она была опорой для нас всех, дорогая, – прошептал Сед.

Харпер присела на край кровати.

– Она много раз говорила мне, что ты, дедушка Шеймас и она всегда были верными друзьями. Может быть, ты расскажешь нам какие-нибудь истории?

Сед опустился в кресло с прямой спинкой на другом конце комнаты.

– Расскажу когда-нибудь. Мы всегда были вместе, кроме тех лет, что я провел в армии. Она писала мне письма во Вьетнам каждый день. Они до сих пор у меня хранятся.

Харпер положила свои солнцезащитные очки на кровать.

– Я и не знала, что ты был во Вьетнаме.

– Я редко об этом говорю. Мне не понравилось жить вдали от семьи. Когда я вернулся, Энни взяла меня разнорабочим, потому что мой папа скончался в том году. Это было в 1966-м. Когда сразу после старшей школы я пошел в армию, то думал, что так и останусь служить, но шести лет мне хватило с головой. Я вернулся домой, и Шеймас с Энни дали мне работу. А потом не прошло и двух лет, как умерла мама – это был 1968-й, и я перешел работать на кухню. Уже почти пятьдесят лет, как я готовлю.

– Мне казалось, что ты всегда был здесь, и даже не припомню, чтобы когда-то было иначе, – сказала Харпер.

– Еще бы! Помню, твой отец впервые принес тебя в дом, и мы с Энни подержали тебя на руках. Чудесные были времена, – вздохнул он, слабо улыбнувшись. – Мне всегда нравилось, когда вы с девочками называли меня дядей Седом. А у самих-то волосы светлые, да и все остальное.

Харпер пересекла комнату и погладила его по плечу.

– Порой и родная кровь – водица. Ты всегда был хорошим другом и потрясающим дядей.

Рука Сед, покрытая морщинами, легла на руку Харпер.

– Спасибо, дитя мое. Пойду-ка я, пожалуй, обратно в кафе. Наделаю гамбургеров с картошкой, чтобы все перекусили, пока юриста нет. Кстати, Тауни должна приехать к полудню.

– Ты ведь никуда не уйдешь, пока... – Харпер не стала договаривать вопрос.

– Пока гробовщик не заберет мое тело или кто-то из вас меня не уволит, я остаюсь здесь.

Сед поднялся с кресла и выхватил платок, прикрывая сильный приступ кашля.

– Мой дом здесь, Харпер. Если доживу до конца следующего месяца, то будет уже семьдесят два года, как я родился тут, прямо в том деревянном домике. – Он показал рукой в сторону озера. – Здесь я и умру. Что ж, увидимся в двенадцать?

– Я готова ползти по битому стеклу, лишь бы попробовать твоих гамбургеров, – улыбнулась она. – Дядя Сед, какой-то кашель у тебя нехороший. Ты к врачу ходил?

– Очень много раз, дитя мое. Мы с Энни бывали у него вместе, раз в три месяца, пока у нее не нашли опухоль, а потом стали ходить еще чаще. Так что не забивай себе голову, моя хорошая, – сказал он и ушел.

Харпер швырнула чемодан на кровать и закрыла глаза. Перед ней мелькал образ Уайатта, на котором не было абсолютно ничего, кроме следов помады на лице. На ней – только ковбойская шляпа, а он бегал за ней по кровати, пока она, наконец не поддалась ему. Потом они упали на ужасный клетчатый плед зеленого цвета и предались той дикой любви, которая доступна только подросткам с бушующими гормонами. Открыв глаза, она поняла, что на кровати растелена белая пуховая перина. Завернуться в нее и притвориться средневековой герцогиней, пока Уайатт провозглашает себя рыцарем в сияющих доспехах, было бы забавно.

– Хоть Флора уже и не молода, она по-прежнему умеет облагородить любую комнату, – пробормотала она, направляясь в ванную.

Она заметила, что телевизор на шифоньере убрали и вместо него повесили другой с плоским экраном, но была уверена, что он до сих пор показывал только два канала. Дойдя до другого конца спальни в несколько широких шагов, она оказалась в ванной комнате, которая нисколько не изменилась. Они с Уайаттом часто лежали вместе в этой старинной ванне на львиных лапах. В голове снова промелькнули воспоминания, в которых они вдвоем вытирали полотенцами воду с пола.

– Веселое было времечко, – пробормотала она.

Туалетный столик выглядел новым, но даже если бы это действительно было так, то его заказывали там же, где и старый. Маленькие брусочки мыла вместе с шампунем, кондиционером и кремом для рук лежали в корзине с красиво сложенными мочалками. В ячейках настенного шкафа расположились свернутые полотенца.

Харпер развернулась, и при виде коробок у стены из ее груди вырвался стон. Если сейчас она разложит вещи, а потом не сможет поладить со своими стервозными сестрицами, то это все будет пустой тратой времени. В конце концов, она решилась разобрать чемоданы и затолкать коробки в гигантский гардероб, в котором изначально должна была размещаться раскладная детская кровать.

Одна сторона гардероба заполнилась, и Харпер принялась развешивать одежду. Когда дядя Сед сообщил ей по телефону о смерти бабушки и попросил приехать, она собиралась в спешке, взяв с собой вещей на первое время.

Всякий раз при устройстве на работу она заявляла, что не собирается терпеть унижения в свой адрес. Так же она поступит и здесь. Даже если ее единокровная сестра Дана – умница, а младшая сестра Тауни – красотка, это еще не значит, что им можно командовать. Возможно, что именно из-за ее нрава Харпер не раз увольняли из разных мест от Калифорнии до Техаса и севернее в Оклахоме, но как ни крути бармены нужны везде. Если за час Харпер не найдет с сестрами общий язык, она всегда может прокатиться несколько миль вверх по дороге и найти работенку в том баре, мимо которого она проезжала по пути сюда. Это точно собьет корону с головы Тауни.

* * *

– Мам, ты уверена, что хочешь тут спать? Дядя Сед сказал, что вон на той кровати умерла бабушка Энни, – поежилась Брук.

– Абсолютно, – ответила она. – Я так любила бабушку и надеюсь, ее дух будет иногда навещать меня.

– Ее ведь кремировали, правда же? – с каждым словом глаза Брук расширялись все больше.

– То всего лишь плоть. Дух бабушки продолжает жить в сердцах ее внучек.

Дана разложила свои джинсы в шкафу на три стопки: на выход, для работы и поношенные. Сед, дай бог ему здоровья, уже успел вынести из комнаты все бабушкины вещи.

Она приезжала в гости к бабушке Энни хоть и редко, но все же чаще, чем две другие, «законные», внучки, поэтому к черту всех – она заслужила право поселиться в доме.

Пусть эти две самовлюбленные принцессы выберут себе по коттеджу, лишь бы не мешались под ногами, пока она будет стараться руководить этим гигантским бизнесом.

Гэвин, отец Даны, отказывался признавать ее своей дочерью, но ее голубые глаза неизбежно выдавали в ней род Клэнси. Она была внебрачным ребенком, последствием бурной пьянки на вечеринке у озера, когда ее отец и мать еще учились на последнем курсе. Они выиграли баскетбольный матч, и после игры все поехали отмечать победу. Бабушка Энни приняла ее в семью и относилась как к родной, несмотря ни на что. Именно бабушка заставила мать Даны указать Гэвина Клэнси в качестве отца в свидетельстве о рождении и официально присвоить ей фамилию Клэнси, хотя ее родители и не были женаты.

– Золушка и ее злобные сводные сестры, – захихикала Брук.

– Сестры на лето, – сказала Дана. – Так мы называли друг друга, когда летом приезжали к бабушке. Никакая я не Золушка, а они мне не сводные сестры, а единокровные.

– Ну ладно, – вздохнула Брук. – Но я все равно рада, что мы поселились тут и у меня будет своя комната, та, в которой мы всегда спали, когда раньше приезжали сюда. Так непривычно, что бабушки больше нет.

Дана думала, что уже выплакала все слезы, но когда она заметила, как у подножия кровати аккуратно лежит старое лоскутное одеяло, такое знакомое, то не выдержала, и река снова вышла из берегов. Она упала в деревянное кресло-качалку, где бабушка много раз укачивала маленьких Харпер и Тауни на ее глазах, и дала волю своей скорби.

Брук кинулась к ней и тоже начала плакать, прямо на полу возле кресла.

– Пора прекращать, мама. Это же съедает нас изнутри. Давай сменим тему и поговорим, например, в какую школу я буду ходить.

– Во Франкстон. Это государственная школа, – ответила Дана, вытирая слезы с лица Брук рукавом трикотажной кофты.

– Ездить в тот малюсенький поселок, который мы проезжали? – взвизгнула Брук, едва не сорвав голос.

– Я ходила туда до восьмого класса. Ничего страшного со мной не случилось, так что и ты привыкнешь, – сказала Дана, выдавив из себя улыбку. – Изменения всегда идут на пользу. Не забывай об этом. Зато тут у тебя есть своя комната и мы живем в доме, а не в крохотной студии на задворках конюшни.

– Ну, мам, я ведь никогда не ходила в государственную школу. У них, наверно, даже форму не носят, – захныкала Брук.

– Ты всегда находишь себе друзей, куда бы мы ни переехали, – возразила Дана. – Если все сложится, то, может, и в старшую школу тоже пойдешь туда.

– Ни за что! – воскликнула Брук. – Там же абсолютная глушь. У бабушки даже вай-фая нет!

– Привыкай, дорогуша. Возможно, мы здесь надолго, – сказала Дана. – Распакуй свой чемодан и разложи вещи. Нам нужно быть в кафе в полдень. Если повезет, то уже завтра откроемся для посетителей. Радовалась бы, что будешь ходить в школу, а то могла бы драить коттеджи целыми днями.

– Только не это! – Брук прижала ладони к щекам. – Ты пошутила?

– Если ты рассчитываешь получать небольшую оплату, как тогда на конном ранчо, то придется помогать по хозяйству на выходных и летом. Скорее всего, нужно будет убирать комнаты или помогать в кафе, но работать все равно придется.

– Ненавижу убираться, – простонала Брук.

– Взгляни на это как на источник дохода.

Простонав в очередной раз, девочка вышла из спальни и направилась вдоль по коридору в сторону своей новой комнаты.

– Посуду мыть не буду! – раздался ее голос.

Дана втянула носом воздух, но не смогла уловить даже малейшего аромата фирменного цветочного парфюма бабушки Энни. Она снова сделала глубокий вдох, но от того запаха не осталось и следа. *Как же так? За два дня он не мог никуда подеваться.* Она засунула голову в гардероб... Ничего.

– Мам, ты что, чихнуть не можешь? – отозвалась ее дочь, стоя в дверном проеме. – Так непривычно иметь столько свободного места.

– Нет, я пыталась уловить запах бабушкиных духов. Наверно, она перестала ими пользоваться, когда заболела, – ответила Дана. – А ты что, уже все разложила?

– Нет, просто услышала, как ты вздыхаешь, и подумала, что ты опять плачешь. Я не могла оставить тебя одну. Ты ведь моя мама.

– Спасибо, дочка, но я пока держусь.

Дана подошла к окну и отдернула занавески. У ближайшего к кафе коттеджа стоял оранжевый пикап старой модели. Когда она представила, что эта машина принадлежит Харпер или Тауни, в ней на секунду заговорила надменность. *Побочный ребенок добился в жизни больше,*

чем любая из вас. Она, по крайней мере, водила современный четырехместный пикап, дверь которого не была изъедена ржавчиной.

– Так чем бы ты хотела здесь руководить, мам? – спросила Брук.

– Магазином.

– Там же воняет рыбой! И червяков надо в руки брать!

Дана кивнула.

– Мне хотелось бы работать в магазине, но я соглашусь на все, что возложит на меня дядя Сед.

– Ну что ж, удачи, – сказала Брук и ушла обратно в свою комнату.

Дана представила, как ее младшая сестра Тауни достает из аквариума мальков, едва сдерживая рвотный позыв. Не дай бог, сломает ноготок, пока расставляет товары на полках. Эта особа всегда была избалованной. Вероятно, не захочет бросать свой крутой колледж и придет к Седу только летом. А Харпер прикончит рыбешку своим перегаром, если она все так же принимает на грудь, как во время их последней встречи. Небось, лет пять уже прошло с тех пор, как в канун Рождества она заявила в гости к бабушке минут так на десять.

Что ты будешь делать, если окажется, что бабушка оставила все добро Седу и Флоре? Видит бог, они всегда были рядом с ней, а у вас, девиц, не находилось времени даже позвонить. Дана ненавидела, когда в голове звучал голос матери.

– Пойду и попрошу их взять меня на работу, – твердо сказала она.

* * *

Звонок от СEDA поступил как никогда вовремя для Тауни Клэнси, самой младшей из трех сестер. В декабре ее выгнали из колледжа, после чего ее мать Рета перекрыла ей кислород. Однако Тауни смогла удержаться на плаву, работая в кофейне, хотя ее, помимо этого, еще и привлекли к исправительным работам за хранение наркотиков. Она подбирала мусор на шоссе и помогала проводить игры в лото для стариков, и вот, неделю назад это наконец закончилось. Денег должно хватить на бензин от Остина до Тайлера, и еще сотня баксов в запасе. Но колесо, пробитое около Сентервилля, разрушило все ее планы. Она не плакала, когда пришлось ночевать в машине и ждать утра, пока откроется шиномонтаж. Тауни пообещала себе, что не проронит ни слезинки, но когда она припарковалась возле пансионата и внезапно осознала, что бабушки больше здесь нет, на нее нахлынула тяжесть горя и чувства вины. Она уперлась лбом в руль своего роскошного «камаро» и дала волю слезам.

Спустя некоторое время она подняла голову и заглянула в зеркало заднего вида, чтобы подправить макияж. Не успела она достать косметичку, как Сед внезапно открыл дверь, и слезы снова полились из ее глаз. Он раскрыл свои худощавые руки для объятий, а на лице сияла улыбка с долей грусти. Тауни выползла из машины и положила голову ему на грудь.

– Мне не верится, дядя Сед. Скажи мне, что это просто сон, – прошептала она.

– К сожалению, это правда.

– Ну почему она мне ничего не рассказала?

Сед похлопал ее по спине.

– Бабушка не хотела вас волновать.

Она сделала шаг назад, принохиваясь.

– Все еще дымишь этими сигаретами без фильтра, что ли? Ох, как бабушка тебя за них, помню, ругала.

– У каждого свои слабости.

Сед попытался ухмыльнуться, но глаза его остались полны грусти. Он достал ключ с цифрой семь из нагрудного кармана комбинезона.

– У меня тут перекур пока, а потом пойду накрывать для вас всех на стол. Минут через пятнадцать будет готово. Вот, держи.

Тауни взяла ключ и нахмурила брови.

– Вообще-то, я думала, что буду жить в доме.

– У каждой из вас должно быть свое личное пространство. В этой новомодной машине все твои пожитки?

– Полный багажник и еще все заднее сиденье, – сказала она. – А Харпер с Даной где будут?

– Дана и Брук поживут в доме. Харпер в двенадцатом коттедже. Энни оставила указания, куда вас всех разместить. Подъезжай туда, помогу тебе разгрузиться.

– Стало быть, бабушка по-прежнему говорит нам, что нужно делать?

– Ага, – кивнул Сед. – Здорово, правда?

– А почему я именно в седьмом? – спросила Тауни.

Сед пожал плечами.

– Остальные все будут заняты к вечеру пятницы. Пора мне бежать готовить еду. Не успеваю помочь тебе с багажом.

– Я рада, что ты до сих пор здесь, дядя Сед, – сказала она.

– Где ж мне еще прикажешь быть? Мой дом тут.

– Харпер пьяная?

– По ней не скажешь. Утомилась она, наверно, и совсем нос повесила.

– Дана командует?

– Это у нее от бабушки осталось как пить дать. Стыдно ей, как и тебе, что долго не приезжала. Ты часом не влипла в какие-нибудь неприятности?

– Я их не ищу, они сами меня как-то находят. Надеюсь, это место поможет мне исправиться. Здесь и заняться-то нечем, если только рыбой.

– Еще трудом. И то, и другое из четырех букв, – сказал Сед, махая на ходу сморщенной рукой. – Жду вас всех в кафе ровно в полдень. Не придешь со всеми – будешь есть остывшие гамбургеры с картошкой.

– Приду я, приду. Как раз успею вынести все вещи из машины. И спасибо, дядя Сед, что не поселил меня по соседству с Харпер.

– Вы должны быть подругами, а не врагами, – сказал Сед. – Энни больше всего мечтала о том, чтобы однажды вы стали одной дружной семьей.

– Ну это вряд ли, – сказала Тауни, садясь обратно в машину, чтобы подъехать поближе к своему коттеджу.

Проезжая мимо двенадцатого коттеджа, Тауни заметила припаркованный старый автомобиль, а когда она подъехала на место, то смогла разглядеть вдалеке четырехместный пикап, стоявший у дома.

– Вот, значит, на чем теперь ездит Харпер. А Дана, похоже, добилась в жизни большего, но ведь она и старше.

Да кто ты такая, чтобы судить других после всего, что сама натворила? Голос, прозвучавший в ее голове, несомненно, принадлежал бабушке.

– Я была не виновата, – произнесла Тауни вслух, заезжая на парковочное место около седьмого коттеджа.

Я предупреждала тебя об этом негодном мальчишке. Я сразу знала, что от него будут одни неприятности, еще когда вы заезжали прошлым летом. Гордец, эгоист и откровенный нахал – но ты меня и слушать не стала! Ты сама во всем виновата. Теперь в ушах звучал голос ее матери.

– Нет, ну надо же! Мама и бабушка наконец сошлись во мнении. Наверно, сейчас прямо здесь, на озере, поднимется буря, – сказала Тауни и закинула голову назад, но на чистом голубом небе не было ни одного белого пушистого облачка.

Она вышла из машины и открыла дверь коттеджа.

– Две койки, – вздохнула она.

Конечно, коттедж был больше, чем ее старая однокомнатная квартира в Остине, и любая из этих кроватей – лучше, чем комковатый матрас, на котором она спала последние три месяца. Однако она все же ожидала увидеть широкую двуспальную кровать.

– Что ж, как говорится – бери, что дают. Верно, бабушка? В детстве ты постоянно нам это твердила.

В горле почувствовался комок, и у Тауни задрожал подбородок и нижняя губа. Почему... почему она не нашла времени навестить бабулю за последние три месяца?

Оставив чемоданы и коробки на пороге, она зашагала в сторону кафе. Ее длинные золотистые волосы развевались на сильном ветру и лезли ей в лицо, поэтому она достала резинку из кармана облегающих джинсов, чтобы сделать хвост. Когда Тауни закончила возиться с прической, она уже стояла у парадной двери, но войти так и не решилась и вместо этого присела на скамейку.

Ветер доносил запахи воды с резким рыбьим духом, но они не могли заглушить аромат жареного лука, исходящего из кафе. Бедный Сед, наверно, совсем пал духом. Он и бабушка были друзьями всю свою жизнь, но сейчас он стоит и готовит на всех вместо того, чтобы позвать сестрам о нем позаботиться. Если он это смог, то она уж точно сможет посмотреть в глаза Дане и Харпер. Найдя в себе мужество, она вскочила со скамьи и влетела внутрь, но столовая оказалась совершенно пуста. В зале стояло двенадцать столов, а вокруг каждого было расставлено по четыре или шесть стульев. Все было так же, как и всегда. Единственным отличием был стол в углу, накрытый белой скатертью. Он буквально ломился от всевозможных десертов.

– Садись, куда хочешь, – сказал Сед, просунув голову через окно для раздачи между столовой и кухней. – Обед почти готов. Все эти угощения вам принесли прихожанки. Поди разбери почему. Последний раз Энни появлялась в церкви больше тридцати лет назад. Небось, пытаются искупить вину за то, как они к ней относились. Хотя это уже дело самих верующих и их Бога.

– Шоколадный торт выглядит очень аппетитно, – сказала Тауни. – А почему они себя винят?

– Когда твой дед помер, многие из них поступили гнусно, – ответил Сед. – Даже не думай отщипнуть хоть кусочек – поешь сначала нормальной еды.

Сед погрозил ей пальцем и положил на сервировочную стойку сначала тарелку с восемью большими гамбургерами, а затем блюдо с помидорами, салатом-латуком и солеными огурчиками.

– Отнеси-ка это пока на любой стол, а я захвачу картошку фри. Можешь сразу садиться обедать. Я говорил всем быть ровно в двенадцать... О, а вот и Харпер идет, и за ней, кажись, Дана с Брук.

* * *

Харпер подняла солнцезащитные очки и беглым взглядом обвела кафе: все осталось, как прежде. Меню висело над стойкой, за которой Флора обычно принимала заказы вплоть до конца обеденного ажиотажа, если он случался. Гамбургеры, хот-доги, картошка фри и фирменное блюдо дня. По большей части подавали столь обожаемую всеми еду домашнего приготовления, ради которой жители приезжали со всей округи. Вдруг Харпер захотелось, чтобы сегодня была пятница, ведь в этот день Сед готовил свои знаменитые горячие булочки и мясо в

горшочках. А по воскресеньям он всегда делал курицу с приправами, свой фирменный клюквенный соус, пюре с подливкой и вареный початок кукурузы. В такие дни посетители съезжались толпами и выстаивались в длинную очередь.

За хромированными столами помещалось от четырех до шести человек, а для больших групп несколько столов соединяли вместе. В центре каждого располагалась салфетница, солонка, перечница и миска с пакетиками сахара и подсластителя. Раньше стулья были в тон столам, но недавно их заменили на новые из блестящей красной пластмассы. Пол покрывала черно-белая плитка, натертая до такого блеска, что Харпер могла бы даже не думая подобрать и съесть упавшую еду.

– Как вкусно пахнут гамбургеры! А зачем ты наготовил столько десертов? – спросила Харпер.

– Тауни уже меня спрашивала. Пусть она расскажет, – ответил Сед, направляясь обратно на кухню.

Харпер резко обернулась и увидела в другом конце зала Тауни. Драгоценная дочь, которая – по словам их матери, – не сделала ничего плохого, выглядела откровенно паршиво. Ее белые волосы, всегда стильно уложенные завиток к завитку, сейчас были завязаны в высокий хвост. Под глазами виднелись такие круги, будто она неделями не спала.

– На что уставилась? – огрызнулась Тауни.

– Да ни на что, – ответила Харпер и отвернулась от младшей сестры как раз в тот момент, когда Дана и Брук зашли внутрь и сели за накрытый стол.

– Откуда столько сладостей? – спросила Дана.

– Судя по всему, Тауни знает, – сказала Харпер, присаживаясь напротив Даны.

– Это все ты приготовила, тетя Тауни? – спросила Брук.

– Куда ей, – хмыкнула Харпер. – Она воду кипятиться поставит – весь дом спалит! Не припомню, когда она готовила.

– А я не припомню, когда ты была трезвой, – парировала Тауни, проходя через зал, чтобы сесть за четвертый стул.

– А ну-ка спрятали коготки, – отозвался Сед, поставив на стол корзину со сладким картофелем фри. – Иначе я уйду, и вы меня больше не увидите.

Дана ахнула.

Тауни сделала большие глаза.

Харпер положила гамбургер и взяла его за локоть.

– Не бросай нас. Нам без тебя не справиться, дядя Сед.

– Десерты занесли прихожанки. Видимо, когда-то давно они чем-то обидели бабушку Энни и теперь чувствуют свою вину, – объяснила Тауни.

– Вот бы это продлилось недельку-две, – пошутила Брук. – Все эти вкусности такие прикольные!

– Прикольные? – переспросила Харпер, надкусывая гамбургер.

– Так теперь говорят вместо «классный» или «обалденный», – пояснила Дана.

– А я думала, сейчас все говорят «кайфовый». По крайней мере, я так слышала от студентов, – сказала Харпер и крикнула Седу: – Дядя Сед, все прикольно, кайфово и обалденно! Давай садись к нам за стол.

– Нет, я лучше поем на кухне, мне тут за ребрышками к ужину присматривать надо, – отозвался он. – Вы доедайте да уберите потом за собой, а дальше можете уже приниматься за сладкое. Юрист будет полвторого.

– Так точно! – отчеканила Брук. – Тетя Харпер, а тот старый пикап – твой?

– Ага, – ответила Харпер, укладывая на гамбургер листья салата и кружочки помидоров с солеными огурцами.

– Мы уже целую вечность не виделись, но твой пикап я помню еще с детства, – сказала Брук.

– Да, давненько я на нем катаюсь. С детства, говоришь? А сейчас тебе сколько, двадцать один?

– Мне четырнадцать, – захихикала Брук. – А чем ты занималась?

– Работала барменом в одном студенческом кабаке в Оклахоме, а до этого в других разных барах, – сказала ей Харпер.

– Пф... неудивительно, – пробормотала Тауни.

– Что именно? Что я работала в кабаке или что он был в Оклахоме?

– И то, и другое.

– Прекратите! – гаркнул Сед. – Вы друг друга лет девять-десять не видели. Я не допущу, чтобы Энни расстраивалась из-за вашей грызни.

– Дядя Сед, бабушка Энни умерла, – мягко сказала Брук.

– Деточка, ее плоти больше нет, но дух все еще здесь с нами, так что этим троим девицам не помешало бы вести себя более пристойно, – сказал Сед отчитывающим тоном.

– Дядя Сед прав. Давайте будем уважать его, – прошептала Дана.

– Он потерял своего самого близкого человека, а вы тут устроили балаган, – сказала Брук. – Отчего вы все на ножах?

– Это долгая история, – сказала Харпер.

– Все же остаются здесь? – спросила Тауни, обведя взглядом двоих сестер и племянницу.

– А ты нет? – спросила Харпер.

Дана оглядела всех собравшихся.

– Зависит от того, что скажет юрист. Если бабушка Энни оставила все имущество дяде Седу, то я буду умолять его взять меня на работу.

Сед принес чайник со сладким чаем и поставил его в центр стола.

– Тебе не придется умолять, – сказал он.

Харпер подлила себе чаю и передала чайник Тауни. Из всех троих Тауни всегда была самой миловидной. Изящная фигура, пышные формы, самые светлые волосы и тонкие черты лица – у нее не было отбоя от мужчин, которые бегали за ней как верные собачонки. Без сомнения, она не станет менять своих крутых подружек из женского сообщества в последний год учебы на работу в пансионате и жизнь в лачуге у озера.

В голове Харпер вдруг заиграла старая знакомая мелодия. Была однажды такая песня про трех подруг, и одна была красивой, вторая – умной, а третья – паршивой овцой. Дана умная. Тауни красивая. А Харпер досталась третья роль, которая вполне ей подходила, учитывая все ее прошлые грехи. Она и без того всегда ощущала себя огромным неказистым подсолнухом в клумбе с прелестными миниатюрными розочками, коими были ее сестры. С ростом почти в шесть футов, со светло-кариими глазами и волосами оттенка «грязный блонд», как говорила ее мать. Немудрено, что по сравнению с остальными сестрами, сидящими за столом, из нее ничего путного не вышло. Остается надеяться, что Брук унаследует от Даны ум, от тети Тауни – красоту, и ничегошеньки от паршивой овцы.

Однако при взгляде на загрубевшие руки Тауни, Харпер стало ясно, что та уже давно не пользовалась кремом и позабыла про маникюр. У студентки из женского сообщества не могло быть таких рук. Эти руки познали тяжелый труд. А где же ее неизменные высокие каблуки? Три года назад, когда Харпер видела ее в последний раз, она ни за какие коврижки не надела бы эти дешевые кеды, в которых она сидела сейчас. Так чем же ее младшая сестра занималась весь прошлый год?

– Соглашусь с Даной. Посмотрим, что написано в завещании. Если она оставила все хозяйство на нас, то я останусь, по крайней мере, до конца лета. Если нет, то... – Тауни пожала

плечами, – Харпер, наверное, превратит это место в реабилитационный центр для алкоголиков?

– Нет уж, лучше сделаю из него бордель, – парировала Харпер. – Наберем десяток девиц, распределим по коттеджам и...

Дана укоризненно погрозила им пальцем.

– Хватит уже. Вообще-то, здесь Брук.

– Да я в курсе, что такое бордель, и, по-моему, это прибыльный бизнес, – высказалась Брук с блеском в карих глазах. – А вы всегда так друг друга ненавидели?

Харпер ухмыльнулась.

– Да мы просто идеальный образец истинных взаимоотношений между сестрами. Вся эта байда про семейные узы и братскую любовь – полный бред. Мы еще сто лет назад поняли, что не ладим, но ради бабушки терпели друг друга несколько недель каждым летом.

– Как все-таки славно, что у меня нет сестры, – заявила Брук.

– Блаженный ты ребенок, – искренне согласилась Харпер.

– Аминь, – хором отозвались Дана и Тауни.

Глава вторая

– Приветствую, дамы. Меня зовут Джон Томпсон, я из конторы «Томпсон, Томпсон и Клэри», – сказал юрист, зайдя в кафе.

Судя по всему, никто, собираясь на озеро, не считал необходимым надевать костюм-тройку и броги. Юрист оказался невысоким мужчиной с ободком каштановых волос вокруг лысой головы, что придавало ему сходство с монахом. Очки в тонкой металлической оправе обрамляли его ребяческое личико; он был одет в коричневый трикотажный кардиган поверх голубой рубашки и в брюки цвета хаки. Он даже не удосужился повязать галстук.

Его ковбойские сапоги имели высокий кошенный каблук, что укрепляло уверенность в том, что он наверняка страдал от комплекса Наполеона.

Харпер поднялась со стула и протянула ему руку.

– Я Харпер Клэнси, это Тауни, а это Дана и ее дочь Брук. Вы уже пообедали? Сед готовит обалденные бургеры.

– Спасибо, я уже поел.

Ему пришлось поднять голову, чтобы встретиться взглядом с Харпер, после чего он быстро пожал ей руку и сразу же отпустил.

– Предлагаю сразу перейти к делу. Рад со всеми познакомиться. Мисс Джоанна... я полагаю, вы все называли ее Энни, однако согласно завещанию ее полное официальное имя – Джоанна Клэнси. Итак, она очень хорошо отзывалась о каждой из вас.

Харпер откинулась на спинку стула. Еда помогла унять головную боль, а пирог с пеканом был отменным, но все же она надеялась, что юрист не станет целую вечность читать всю эту юридическую лабуду, потому что банановый пудинг на десертном столике так ее и манил.

Он открыл портфель, но садиться не стал.

– Я сделал для каждой из вас копию завещания, но мисс Джоанна также обязала меня прочитать ее письмо. Оно в принципе все объясняет. Копия письма также находится в пакете с завещанием вместе с копией свидетельства о смерти для каждой внучки.

Он выпрямился, стараясь казаться как можно выше, расправил сложенное письмо в слегка высокопарной манере и начал его зачитывать.

Если Джон читает вам всем это письмо, то, значит, я умерла и мой прах уже на попечении Седа. Не переживайте, когда он разделит со мной вечность, вы поймете, почему именно Сед за ним присматривает. Я хотела оставить все ему, но он не согласился. Он сказал, что вы, девочки, должны владеть пансионатом вместе, потому что вы мои кровные родственники. Итак, вот мои условия. Пансионат ваш, но продавать его нельзя. Он перейдет вашим детям, и мне хотелось бы, чтобы он просуществовал как можно дольше. Так что если вы пожелаете отказаться от своей доли, вы вправе сейчас встать и уйти ни с чем. Если же вы решите остаться, то каждую пятницу будете получать жалованье за свой труд. Прибыль по итогам года будет распределена между вами тремя и Седом.

Дана будет руководить магазином. Она больше, чем остальные, понимает в управлении бизнесом, потому что чаще здесь бывала. Тауни займется бухгалтерией и отчетностью вроде зарплат, страхования и налогов. Я распоряжалась этим годами, но ей должно быть легче, ведь она изучала эти предметы в колледже. Сед поможет ей освоиться за компьютером. Харпер, тебе я поручаю быть на кухне с Седом, и тогда Флоре останется только уборка коттеджей. Вы сами отвечаете за порядок и чистоту своего жилья, будь то дом или коттедж. Флора не станет за вами подбирать, а когда вы привыкнете к своим новым обязанностям, она со спокойной душой уйдет на пенсию.

Харпер издала долгий стон. Ей совсем не хотелось горбатиться в кафе, но бабушка Энни обещала неплохие деньги, да и работать вместе с дядей Седой должно быть намного приятнее, чем с ее бывшими начальниками. Она кинула взгляд на Тауни. На кукольном лице ее сестры красовалась самодовольная улыбка. Дана, похоже, испытала облегчение, что ее поставили командовать в магазине.

– Есть вопросы? – спросил Джон.

Харпер покачала головой.

– Мне все предельно ясно. Я все равно хотела немного здесь поторчать.

Джон продолжил.

Брук будет работать по выходным и выполнять все, что потребуется. Раз уж этот бизнес когда-нибудь все равно перейдет к ней, она обязана знать, как здесь все устроено на разных уровнях. Не ной, Брук. Хочешь денег – придется потрудиться. Есть в кафе можно бесплатно. За все, что вы выносите из магазина, нужно платить, даже за пиво.

Харпер растерянно подняла руки вверх, приняв оборонительную позицию, когда поняла, что взгляды всех присутствующих устремились к ней.

– Не надо так гневно на меня смотреть. Я и пиво-то не люблю.

– А я люблю, – заявила Брук, широко улыбнувшись.

– Ч... чего? В смысле? – воскликнула Дана, чуть было не лишившись дара речи.

– Я однажды попробовала чуть-чуть, пока ты не видела. Мне тогда лет шесть было, и мне понравилось, – сказала Брук.

Джон откашлялся и окинул взглядом собравшихся поверх своих очков.

– Мне продолжать?

– Да, будьте так добры, – сказала Тауни, косо посмотрев на Харпер.

Сед и Флора остаются работать там же, где и прежде, и продолжают получать жалование. У Тауни есть программа на компьютере, где указано все, что я рассказала, и размер зарплаты. Терпеть не могу эти новомодные технологии, но без них не обойтись. Если нам нужен постоянный приток постояльцев, придется ввести это онлайн-бронирование.

Брук вскинула кулак в воздух.

– Ура, вай-фаю быть!

– Не быть, мэм. Доступ к интернету будет только в одном коттедже, где стоит рабочий компьютер, – отозвался Сед из окошка для раздачи. – Она настояла.

Джон бросил взгляд на часы.

– Я, пожалуй, продолжу, – сказал он.

Он нашел место, где остановился, и вновь принялся читать.

Я распределяла все обязанности по справедливости. Тауни также будет ответственной за бронирование, выселение и плату за аренду коттеджей. Когда Сед уйдет в лучший мир, Джон передаст вам еще одно письмо. Помню, кто-то из вас однажды заметил, что вы виделись с Даной только летом, когда все трое приезжали на озеро погостить, и вы стали называть себя сестрами на лето. Теперь у вас есть возможность стать друг другу ближе. Жить в согласии или всю жизнь терпеть – выбор ваш. Я люблю каждую из вас. Вы вносили радость и свет в мою жизнь. Прошу, не надо слез и скорби. Я хочу, чтобы вы были счастливы и проживали каждый день как последний. Так поступала и я многие годы и теперь покидаю этот мир, ни о чем не жалея.

Джон сложил письмо и, вынув из портфеля три папки ярко-красного цвета, положил их на стол.

– Это ваши копии завещания. Имена указаны на обложке. На этом моя работа выполнена, а наша следующая встреча произойдет после кончины Седа. Разрешите откланяться, дамы.

Он захлопнул портфель, подхватил его и вышел, не сказав больше ни слова.

– Ну чего, все остаются? – всхлипнула Тауни, смахивая с глаз слезы.

– Мы с Брук останемся, – ответила Дана. – Харпер, ты как?

– Да, наверное, тоже. Она просила не плакать, – сказала Харпер и потянулась за платочком, чтобы промокнуть глаза.

Дана и Тауни одновременно кивнули, но тут же не выдержали и зарыдали, наклонив головы.

Брук обняла маму и расплакалась вместе с ней, но никто из сестер не стал утешать друг друга. С кухни вышел Сед, обнял каждую из них и утер всем слезы белым платком, который пропах дымом.

– Она просила этого не делать, девочки. Я пообещал не оплакивать ее смерть. Это единственное обещание, которое я не могу перед ней сдержать.

– Надо было мне приезжать сюда почаще, – сказала Дана.

– И мне, – эхом отозвались Тауни и Харпер.

– Что было, то прошло. Вот что сказала бы бабушка, будь она с нами. Нужно ценить настоящий момент и смотреть вперед в светлое будущее. Что ж, раз все остаются, то пора вам обживаться на новом месте, чтобы завтра утром сразу приступить к работе.

– Почему ты не подошел раньше? – спросила его Дана.

– А зачем? Я сам помогал Энни составлять завещание, поэтому и так знал, что в нем. Дана, держи ключи от магазина, – сказал он, передавая ей связку с двумя ключами. – Можешь пойти и освежить в памяти обстановку. Завтра до полудня подоспеет поставщик наживки, а у кассового аппарата прикреплено расписание остальных поставок.

– Спасибо еще раз, – сказала Дана, принимая у него ключи. – Этого недостаточно, чтобы поблагодарить тебя за все, что ты сделал, но спасибо тебе от всей души.

Сед кивнул, но его глаза наполнились слезами.

– Энни была моим лучшим другом. Я уже скучаю, и даже время не облегчит моего горя. Дана вскочила и обняла его.

Сед сделал глубокий вдох и медленно выдохнул.

– Тауни, – сказал он, – тебе нужно сходить в свой коттедж и привести там все в порядок. Твоя бабушка уже подготовила на компьютере все, что нужно, чтобы ты села за ведение отчетности.

– Почему вай-фая не будет? – спросила Брук.

– По словам Энни, сюда приезжают, чтобы сбежать от всех этих достижений науки, – сказал Сед. – Тауни, я принесу тебе в коттедж компьютер, принтер, стол и все остальное сразу же, как только приберусь на кухне.

– А мне что делать? – поинтересовалась Харпер, взглянув на Седа.

– Сегодня пока распакуй свои вещи. С завтрашнего дня будешь помогать мне здесь каждый день, начиная с пяти утра. Открываемся в шесть и подаем завтрак до десяти. После этого обед – просто гамбургеры, хот-доги, ну и фирменное блюдо дня. Если после обеда блюдо дня еще осталось, то подаем его на ужин. Если нет, то только гамбургеры, и в семь часов закрытие, – сказал Сед.

– В магазине нам будет выставлен счет?

– Ага, но Тауни будет вычитать каждый цент из вашей зарплаты.

– И кто же будет ее контролировать? Вдруг она присвоит себе часть денег или снимет с нас двойную стоимость за покупки в магазине?

– Каждый квартал отчетность передается аудитору, а он выплачивает налоги за этот период, – сказал Сед. – Если хотя бы один цент не будет отражен в отчете, я об этом узнаю.

– И тогда тебя уволят, – Харпер ткнула пальцем в Тауни. – Что ты вообще здесь делаешь? Разве тебе не надо еще год учиться? Или, быть может, еще лет десять? Когда тебя уже выгонят из того крутого женского сообщества?

Тауни не стала больше терпеть издевательства Харпер. Она вскочила и перегнулась через стол.

– Я не появлялась в колледже с декабря. Ушла и работала в кофейне в две смены, чтобы оплачивать аренду захудалой квартиры, в которой жила с двумя другими девушками. Эта работа станет для меня огромным шагом вперед. И к твоему сведению, мне не доставляло никакого удовольствия быть бедной и гадать, хватит ли мне денег на еду до следующей зарплаты.

– Что у тебя случилось? – ахнула Дана.

– Обалдеть! Что надо было натворить, чтобы мама перестала тебя содержать? – перебила ее Харпер.

Тауни отодвинула стул и направилась к столу с десертами.

– А это уже мое дело. Вас оно не касается. Я забираю с собой вон те брауни. Возражения будут?

– Тогда банановый пудинг целиком мой, – заявила Харпер.

– А я хочу шоколадный торт, – сказала Брук.

Взяв трясущимися руками поднос с брауни и папку со своим именем, Тауни покинула кафе. Когда она дошла до своего коттеджа, ее щеки были снова влажные от слез, только на этот раз она плакала не от горя, а со злости.

У нее была работа, квартира, которая и рядом не стояла с той, где она жила последние три месяца, и еда три раза в день. Она поставила брауни на мини-холодильник в углу и метнула папку на одну из коек. Потом она упала на другую кровать и зарылась лицом в подушку, чтобы никто не слышал ее поток отборной брани, от которого чуть ли не пузырилась краска на стенах.

Во всем виновата эта тупица Харпер, это она ее довела. Обессиленная от волнений, Тауни заснула и не просыпалась, пока не услышала осторожный стук в дверь.

– Кто там? – крикнула она.

– Это Сед. Я тебе компьютер принес.

Она спрыгнула с кровати, схватила в ванной полотенце и быстро провела им по лицу, прежде чем открыть дверь.

– Боже ж ты мой, дядя Сед! Откуда столько всего? Я думала, там один ноутбук.

В багажнике его старого пикапа громоздились письменный стол, персональный компьютер, картотека и коробки с отмеченными с краю датами.

– Это твое рабочее место. Последние несколько лет бабушка держала все это в углу моей каморки в подсобке магазина. Я рад, что наконец-то избавлюсь от этого добра, потому что большую часть времени она всякий раз только и делала, что жаловалась на технику. Помогите мне занести стол. Харпер помогла мне погрузиться, но сейчас она готовит столовую к завтрашнему дню. А картотечные шкафы забиты твердыми копиями, как называла их Энни. Я думаю, если ты туда заглянешь, то много чего узнаешь.

Тауни крепко сжала край старого дубового стола.

– Он приплыл сюда на «Мэйфлауэре»¹?

¹ Название судна, на борту которого в 1620 году в Северную Америку прибыла первая группа английских колонистов. Здесь и далее – прим. пер.

– Нет, милая моя, «Мэйфлауэр» просто использовали в качестве строительного материала, – сказал Сед, слабо улыбнувшись, и эта его улыбка послужила утешением для заплаканных глаз Тауни.

– По правде говоря, он достался нам от небольшой сельской школы, которая сейчас стоит где-то там, у середины озера. Незадолго до того, как реку Нечес перегородили плотиной, в школе затеяли большую распродажу. Мама Энни купила этот стол и офисное кресло, потому что постройка пансионата уже тогда была в планах. Когда Энни приобрела компьютер, я сделал выдвижную полочку для клавиатуры. Вы с бабушкой примерно одного роста, так что тебе должно быть удобно.

– Куда ставить будем? – спросила Тауни, пока они пытались протиснуть его в дверь.

– Да прямо сюда, возле двери. Бабушка здесь специально провела телефонный кабель для интернета.

– Но ведь интернет через телефонную линию такой медленный, – застонала Тауни.

– Я в ваших интернетах не разбираюсь. Знаю только, что Энни была против вай-фая, потому что он противоречил ее замыслу отгородиться от всей этой дребедени. Вон там лежит обыкновенный телефон. Мобильники тут не ловят, так что гостям приходится пользоваться обычными старыми телефонами у себя в комнате, если надо позвонить. Многие приходят с карточками, чтобы звонить домой, – сказал Сед, выходя на улицу за стулом. – Ну ты где? Мебель сама к тебе не прибежит. Завтра с утра эта комната станет твоим рабочим местом. Гости будут заселяться и съезжать через твой офис.

– Значит, мне еще и убираться здесь придется? – снова простонала она.

– Именно так, – усмехнулся Сед. – Работенка совершенно не пыльная, так что пусть будут хоть какие-то обязанности. Все чеки из кафе буду приносить тебе я, а Дана будет каждый день закрывать кассу и передавать тебе сумку с деньгами. Ты все пересчитываешь и перекладываешь наличку в сейф вон в том шкафу. Энни тоже так делала. А потом в субботу до полудня относишь их в банк в Тайлере и кладешь на сберегательный счет.

– Вы продумали все до мелочей. Долго она болела?

Сед покачал головой.

– Она прожила еще три месяца после того, как доктор сказал, что у нее опухоль мозга. Он предлагал химиотерапию и облучение, но она заявила, что трех месяцев достаточно, чтобы привести свои дела в порядок, и что помирать без волос она не намерена.

– Почему ты нам не позвонил? – прошептала Тауни.

– Да хотел я. А она, мол, у вас у всех своя жизнь. Давай-ка закругляться, а то мне пора обратно в кафе. Не дай бог, ужин подгорит, – сказал он.

* * *

Что бы Сед ни говорил, а Дана весьма неплохо знала магазин. Она навещала бабушку из года в год, чаще остальных сестер. Однако не так часто, как следовало, иначе бы она не почувствовала угрызений совести, когда в магазине ей в нос ударил запах аквариумной рыбы, смешанный с запахом дыма из дальней комнаты, где жил Сед.

Целых десять лет она оставалась единственной внучкой. Однажды летом в пансионат приехала Харпер, и счастью Даны не было предела. У нее появилась сестра – маленькая малышка, с которой можно поиграть. Спустя пару лет к ним присоединилась Тауни, и Дана, как наивный ребенок, полагала, что они семья.

Дана видела жену своего отца Рету лишь дважды. Оба раза они виделись, когда летом Рета привозила младших сестер к озеру на месяц. Она смотрела на Дану, как на грязь с подошвы своих модных туфель, и Дана сразу уяснила, что от Реты Харпер-Клэнси нужно держаться подальше.

В ее сердце поднялся гнев, как только она подумала о том, что кто-то станет так же обращаться с Брук, а потом гнев вдруг сменила грусть, когда она представила, как бабуля стояла за этим кассовым аппаратом на протяжении стольких лет.

– Что у вас с Тауни и Харпер? Я помню только, как они всегда играли со мной и развлекали меня. Почему вы теперь ведете себя так, будто друг друга ненавидите? – спросила Брук, озираясь по сторонам.

Дана быстро вытерла глаза и изобразила улыбку.

– Ненависть – это громко сказано. Наверно, это просто неприязнь или даже равнодушие. У них другая мама, не та, что у меня, и я их намного старше. У нас всегда все было сложно, – сказала Дана. – Думаю, на магазин мы уже насмотрелись. Ну что, пойдем в дом?

– Пожалуй, я лучше вернусь на кухню и заберу шоколадный торт. Я не шутила, когда сказала, что хочу взять его домой. Такой глазури я в жизни не пробовала, – сказала Брук.

Дана глубоко вздохнула. Бабушка Энни и Сед были для нее семьей. А две сестры? Они связаны с ней по крови, но не более того. На деле их связывали только обрывки воспоминаний. Хорошие и не очень.

– Мама? – Брук рывком вернула ее в настоящее.

Дана моргнула, отбрасывая картинки из прошлого, и вздохнула.

– А я все облизывалась на булочки с корицей, но ведь надо же чуть-чуть и дяде Седу оставить.

Когда они добрались до кафе, Харпер намывала полы. Она взглянула сначала на них, потом на свой чистый пол.

– Прямо перед дверью сухо. Вам чего?

– Мы хотели забрать парочку десертов с собой, если можно, – ответила Дана.

– Бери что хочешь. Не выбрасывать же это все, – отозвался голос Седа из кухни. – Доктор сказал мне есть меньше сладкого, а то придется таблетки глотать или уколы делать.

– Оставь мне банановый пудинг, хотя бы чуть-чуть. И кусочек пирога с пеканом, – сказала Харпер и продолжила мыть полы.

– Сколько времени прошло с тех пор, как вы втроем виделись в последний раз? – спросила Брук.

Харпер встала и оперлась на швабру.

– В последний раз я приезжала сюда на Пасху в прошлом году, но только на полдня.

– Мы с Брук приезжали на День матери, – сказала Дана. – Я хорошо помню тот год. Это был последний раз, когда мы жили здесь все вместе. Сколько тебе тогда было, Харпер? Лет пятнадцать, верно? Тауни почти исполнилось двенадцать, а Брук – четыре года. Я тогда только развелась, и мы с Брук собирались переезжать в Хьюстон.

– Теперь вы Клэнси? – спросила Тауни.

– Да, это единственный плюс моего развода. Наша фамилия снова Клэнси.

– А вы сильно изменились? – спросила Брук.

– Мы все постарели, – улыбнулась Харпер.

– Кто бы сомневался, – иронично отметила Брук.

Харпер остановилась и снова оперлась на швабру.

– Она напоминает мне Тауни в этом возрасте.

– В ней есть и кое-что от тебя, – сказала Дана.

– Наверно, ты этому невероятно рада, – сказала Харпер саркастично.

– Да нет, не совсем, ведь это значит, что она пошла в отца, и одному богу известно, чего от этого ожидать. Я, конечно, предпочла бы, чтобы она пошла в мою мать. Может, мама безрассудная и легкомысленная, но она хотя бы меня не бросала, – сказала Дана.

– Бросить ребенка можно и другими способами, – прошептала Харпер.

– Вот именно. Все, Брук, пошли домой. Нам нужно еще привести все в порядок.

Они обе вышли из кафе и направились к дому с десертами в руках.

– Что тетя Харпер имела в виду?

– Понятия не имею. Можешь сама у нее об этом спросить, но ответа не жди. Я пыталась поддерживать с ней контакт, но... – она пожала плечами.

– А с тетей Тауни?

– Я позвонила ей на школьный выпускной, но она сослалась на занятость и не стала разговаривать. Так что я решила, что раз уж они теперь знают, как со мной связаться, то пусть звонят сами, – сказала ей Дана.

– Они обе грустные, – сказала Брук. – Напоминают мне тебя в тот день, когда ты сказала, что тебя уволили с ранчо. Ты так и не рассказала мне, почему это случилось, мама. Я думала, ты очень нравишься тем ребятам.

– Поговорим об этом лучше как-нибудь в другой раз. Мы привыкли вставать рано, но завтра надо будет выползть в пять тридцать.

Брук остановилась как вкопанная, демонстративно уронила подбородок на грудь и застыла.

– Зачем нам совершать такую глупость?

– Магазин открывается в шесть, чтобы рыбаки могли купить припасы на день. Еще я позвонила в школу, прежде чем мы уехали с ранчо. Школьный автобус проезжает каждое утро прямо рядом с магазином в семь тридцать, – сказала Дана.

– Тогда почему выходить в пять тридцать? До автобуса еще два часа!

Дана остановилась, чтобы обнять Брук.

– Чтобы можно было полакомиться превосходным завтраком, который дядя Сед готовит каждое утро до прихода всех остальных. Ты же не хочешь его обидеть, правда?

– Нет, но у меня есть еще один вопрос, – вздохнула Брук.

– Ну, выкладывай.

– Уже поздно передумать насчет переезда сюда?

– К сожалению, да, – ответила Дана.

Глава третья

В пятницу утром Харпер проснулась с ясной головой, а с глаз спала краснота, хотя они все еще зудели из-за выплаканных вчера слез. Она вышла из коттеджа и направилась к кафе. В пять часов утра было все еще темно. В небе мерцали звезды, но теплый весенний воздух обещал погожий денек. Бар на ее прошлой работе был открыт до двух часов ночи. Пока она приводила все в порядок и добиралась до своей маленькой квартирки этажом выше, шел уже четвертый час, и она по-прежнему чувствовала запах пива и виски, который доносился до самых верхних ступенек черной лестницы. Он выветривался по крайней мере час, и только потом ей удавалось заснуть.

– Раньше в это время я бы только-только ложилась спать, а сейчас я проснулась под благоухание роз и чистой озерной воды. Здесь можно было бы жить долго и счастливо. Если бы не мои сестрицы.

– Доброе утро. С кем это ты разговариваешь? – спросил Сед, когда Харпер зашла в кафе. – Посиди со мной пару минут, выпей кофе. Завтрак начнем подавать с пяти тридцати. Сегодня никого не будет, кроме вас, девочек, так что много работать не придется.

– И тебе доброе утро. Значит, сегодня не напрягаемся?

– Только утром, к вечеру народ подтянется.

– Почему мы вообще открыты? Всего пару дней прошло после бабушкиной смерти.

– Она сама так захотела и заставила меня это пообещать. В день, когда ее не станет, я должен был позвонить вам, девочки, а на второй день все закрыть, чтобы вы могли спокойно заселиться. Ну а на третий день мы уже должны были открыться и работать в обычном режиме, – ответил он.

Кофемашина готовила кофе без кофеина, кофе с зернами темной обжарки и кипятком. На столе стояла корзинка с пакетиками растворимого горячего шоколада и нескольких сортов чая. Харпер налила себе кофе темной обжарки, затем вскрыла два пакетика с горячим шоколадом и добавила в чашку. Если добавить двойную порцию молока и сливок, то можно представить, что пьешь мокко латте.

– У нас будет большой заезд где-то с трех дня и до часа пик. Все распродано, и десять коттеджей будут заняты, а значит, завтра утром все будет совсем по-другому. Флора придет примерно в середине утра, чтобы проверить коттеджи. Когда врач сказал, что Энни осталось несколько дней, мы их все позакрывали. Батюшки святы! – Он поднял обе руки вверх. – Ну и скандал она закатила! Мол, вот еще, деньги из-за такого терять.

Харпер отхлебнула кофе.

– В этом вся бабушка Энни. Всех работать заставит.

– Ага, – кивнул Сед. – Мы тут семь дней в неделю пахали, но зато вместе, потому и не жаловались. Только семь вечера пробьет, мы сразу кафе закрывали да шли телик смотреть. – Сед закатил глаза вверх, стараясь сдержать слезы. – Как я рад, что вы приехали, девочки. Даже не знаю, как бы я без вас тут справился. Я, конечно, мог нанять помощников, – заколебался он, – но ведь в такие времена семья должна держаться вместе.

– Даже проблемная семья? – спросила она.

– А проблемная тем более.

Сед поднялся со стула и пошел на кухню, забрав с собой свою кружку.

Харпер шла за ним следом. Он положил противень с печеньями в духовку и затем посыпал мукой сосиски, которые до этого приготовил в глубокой чугунной сковородке.

– Можешь пока взбить те яйца, а я приготовлю тесто для блинов. Дане надо с утра сходить в школу с Брук. Навряд ли Брук пойдет сегодня на уроки – надо же сначала запросить все ее оценки из старой школы, но если вдруг пойдет, то ей нужен плотный завтрак. Слыхала, что

сейчас подают на обед в школьных столовых? Стыдоба! Даже жареного ничего нет, – ворчал Сед, медленно выливая на сковороду молоко.

– А кто будет смотреть за магазином, пока ее нет? – спросила Харпер, после чего взяла венчик для взбивания и погрузила его в миску, полную яиц.

– Гостей не будет до трех, а местные встают только к середине утра, так что на часик его можно оставить без присмотра. А с завтрашнего дня ей уже, возможно, будет сложнее отлучаться куда-нибудь в дневное время, ведь дел будет невпроворот. Рыболовный сезон в самом разгаре, да и местные дачники начнут заходить. Дела идут стабильно почти все время. Закрывается магазин в семь, как и кафе, так что вечера у нее свободны. После завтрака ты отнесешь в магазин мой список продуктов. Обычно мы покупаемся в «Уолмарте» в Тайлере. Все уже готово, и когда пойдешь, я дам тебе с собой корпоративную кредитку.

– Ты доверишь мне кредитку? – вытаращила глаза Харпер.

– Ну конечно. купишь чего-нибудь не по списку – это пойдет из твоего кармана, а я буду сверять по списку каждый чек.

Когда Тауни пришла в кафе, на часах было ровно шесть. Она зевнула, прикрывая рот рукой, потом принялась к запаху в кафе и сразу же пошла к столу, за которым Сед и Харпер накрыли завтрак. Она наложила себе целую тарелку еды и отнесла на отдельный стол, потом вернулась за кофе и снова села за свой стол.

– Будешь есть нашу еду и даже «доброе утро» не скажешь?

– Доброе утро, – проворчала она. – Ранние подъемы – не для меня, и меняться я не собираюсь.

– Ты удивишься, какие перемены случаются тут на озере. Уже подготовила компьютер и эту свою технику к работе после обеда?

– Естественно, и даже программу запустила, чтобы в ней разобраться. Я проходила ее на первом курсе колледжа. Старовата она, но зато простенькая. Лучше скажи мне вот что. Если я продолжаю работать даже после окончания рабочего дня, зачем мне тогда подниматься ни свет ни заря?

– Будешь работать по утрам, пока голова свежая и сил больше. Все банковские дела, чеки из магазина и кафе ты всегда можешь откладывать на утро следующего дня после того, как мы будем их тебе передавать. Завтра в банк не надо, ведь еще не прошла неделя с нашего открытия. Ходить туда надо будет начиная с утра субботы на следующей неделе, и если у тебя вдруг есть желание сделать доброе дело, то можешь помогать здесь или в магазине, когда нет работы с отчетами.

– А если у меня нет желания делать доброе дело? – спросила Тауни.

– Тогда можешь сидеть у себя на крыльце и следить за тем, как растет трава. Выбор твой, дорогуша, – ответил Сед.

– Трава всегда меня восхищала. Кстати, не могу припомнить, когда я в последний раз так ела, – воскликнула она с набитым ртом.

– Организму надо начинать свой день с того, чтобы заложить себе чего-нибудь за ребра, – серьезным тоном произнес Сед.

За стол со своей тарелкой присела Харпер.

– Как ты вообще умудрилась не сдохнуть от своей бедности за те несколько месяцев?

– Отвали от меня, – промычала Тауни.

– Похоже, мы последние гости на этой вечеринке, – сказали Дана и Брук, входя в зал.

Брук переводила взгляд то на Тауни, то на Харпер.

– Ну и из-за чего вы опять собачитесь?

– Мы тут рассуждаем, бедность – это смертельная болезнь или нет? – ответила Харпер. – Тауни до недавнего времени жила в мире, где ей даже зарплата была не нужна.

– Тс-с-с, – Брук кивнула в сторону кухни, – не говорите про смерть. Дядя Сед опять расстроится.

– Вам бы лучше поторопиться к столу, а то эти двое вам ничегошеньки не оставят, – сказал Сед, показавшись из кухни с еще одной тарелкой хрустящего бекона.

Дана быстро сменила тему.

– Да у меня так всю жизнь. Вечно прихожу последней.

– А мне так не кажется. Для меня ты честолюбивый первый ребенок, который постоянно нами командовал, – сказала Харпер.

– Зато ты всегда была непослушной, а Тауни вечно ныла, и вы вдвоем были драгоценными принцессками, у которых есть и мама, и папа, – парировала Дана.

– Откуда тебе знать? Когда я была подростком, ты здесь уже не жила, – сказала Тауни.

Брук налила два стакана апельсинового сока и поставила их на стол.

– Я стану командовать, ныть и не слушаться, если буду у вас на семейном обучении. Я еще со времен подготовительного класса ходила в одну и ту же частную школу. Теперь я волнуюсь.

– Частную школу? – переспросила Харпер, резко оборачиваясь на Дану.

– Туда ходили все дети с ранчо, на котором я раньше работала. Это была одна из привилегий для работников, – сказала Дана.

Брук поерзала на стуле.

– Я в первый раз в жизни пойду в государственную школу.

– Мы с Харпер ходили в частную школу, но очень хотели попасть в обычную, – сказала Тауни.

– Почему? – спросила Брук, отламывая печенье и намазывая на него масло.

На лице Харпер растянулась злорадная ухмылка.

– Говорят, там проще купить дурь.

* * *

– Харпер Клэнси! – повысила голос Тауни.

– Слушай, не бузи. Я себя хорошо вела, но я помню, маме приходилось делать внушительные пожертвования школе, чтобы тебя прикрыть, причем не один раз. Ну, давай. Признавайся. Почему твои руки выглядят так, будто ты канавы рыла? – сказала Харпер, стрельнув взглядом в сторону Тауни.

Брук повернула голову, чтобы посмотреть, как отреагирует Тауни.

– Да работала я, и ни в какие неприятности из-за травы не попадала. Зато ты показываешь ребенку плохой пример. Как ты вообще об этом пронюхала? Тебя же послали в интернат, из которого ты потом сбежала и так и не вернулась домой, – заявила Тауни.

– Вы с мамой не единственные родственники, с которыми я общалась. Я разговаривала с папой не реже, чем раз в месяц, пока он был жив. Если я правильно помню, добрая фея передала в школу два денежных взноса на стипендии, чтобы тебя не турнули.

– Мы тогда прогуляли школу, чтобы съездить по магазинам, – пояснила Тауни для Брук. – Мама разозлилась из-за того, что я промотала все деньги с ее кредитки, а не потому, что прогуляла уроки. Меня собирались выгнать, но мама не хотела отдавать меня в обычную школу.

– Почему? – спросила Брук у Тауни.

– Она считала, что в государственную школу ходят только отбросы общества, – ответила за нее Харпер.

Брук повернулась, чтобы взглянуть на Дану.

– Но я ведь не отброс. Похоже, ваша мама была не такая, как моя бабушка Лейси.

– Есть немного, – сказала Дана и крикнула в сторону кухни: – Завтрак божественный! Я уж позабыла вкус твоих блинчиков, дядя Сед.

Тауни поменялась бы с Даной матерями даже не глядя. Когда Лейси приезжала каждое лето забирать Дану, она относилась с одинаковой добротой и к Харпер, и к Дане. Дана искренне скучала по своей матери, пока жила в пансионате. Тауни не могла припомнить, чтобы она когда-либо испытывала подобные чувства. Гораздо чаще она мечтала о том, чтобы никогда не возвращаться домой.

Сед вынес еще одну тарелку с шестью большими блинами и снова ушел обратно на кухню.

– Это рецепт Энни. Секрет в том, чтобы сначала взбить белки и потом смешать их с тестом. Блинчики получаются легкие и воздушные. Пора мне начинать готовить блюдо дня. Сейчас по округе поползут слухи о том, что мы открылись; есть тут поблизости ребята, которые всегда приходят в пятницу на обед, – сказал он на ходу.

Тауни наспех доела свой завтрак и соорудила себе бутерброд с яичницей-болтуньей и беконом на перекус. Если долго следить за ростом травы, то можно и аппетит нагулять. Пока она шла к коттеджу, ее щеки обдувал нежный утренний бриз. Она застегнула молнию на куртке и присела на один из винтажных металлических стульев на крыльце. Стул был красным, как и тот, что стоял у домика Харпер. Это казалось логичным – у них с Харпер есть общие родители и родословная, и, стало быть, они были с ней как два стула, выполненные по одному образцу.

Вдруг на перила у крылечка сел кардинал и вытянул голову в сторону Тауни. Она сидела не шелхнувшись и вслушивалась, как птица о чем-то препирается с белочкой на иве между седьмым и восьмым коттеджами. Вдали послышались крики петуха, исполнявшего приветственные утренние песни. К хору присоединились несколько лягушек, а парочка малиновок щебетали и скакали по двору.

Ярко-оранжевый диск солнца завис над горизонтом, и света было достаточно, чтобы разглядеть среди веток деревьев несколько молодых весенних листочков. На озере подымались мелкие барашки, и Харпер наклонила голову, прислушиваясь к отдаленному гулу голосов – скорее всего, рыбаки уже засели в бухтах, чтобы полакомиться на ужин рыбой. Кардинал рядом с ней заскучал и вспорхнул, оставив парить красное перышко, которое медленно опустилось с перил на крыльцо.

Тауни подняла его, зашла в домик и сняла куртку. Когда Сед заявил, что в ее личное пространство будут вторгаться незнакомцы, это вывело ее из себя. Она решила поставить письменный стол, шкафы и все остальное для работы прямо под окном, выходящим на крыльцо. Потом она разобрала одну из коек и отнесла ее по частям в кладовку за прачечной. Там она нашла книжные шкафы и одолжила у Сeda его старый пикап, чтобы отвезти их в коттедж.

Она отодвинула кровать к окну, из которого открывался вид на задний двор и лесополосу, оставив место только для прикроватных тумбочек с обеих сторон, и затем выстроила стену из четырех книжных шкафов, чтобы разделить комнату на две части. С задней стороны домика у нее был свой уголок. Прямо возле входной двери был ее офис. Она аккуратно положила красное перо на верхнюю полку.

Тауни обошла самодельную стену кругом – кровать заправлена и разглажена достаточно, чтобы пройти проверку у Реты Харпер-Клэнси, которая следила за дисциплиной в тысячу раз жестче, чем в армии. Ее мать ни разу в жизни не убиралась в доме, но зато требовала идеальной чистоты от приходящих помощников, а также от своих дочерей.

Ни для кого не секрет, что Рета никогда не горела желанием иметь детей. Она обозначала это четко, громко и часто, а особенно в те моменты, когда Тауни или ее сестра не вели себя как милые ангелочки. Когда Харпер отправили в интернат, все стало еще хуже. Что бы она тогда ни натворила, на то должна была быть веская причина, ведь Тауни туда не отправили, когда в шестнадцать лет ее застукали с бутылкой текилы в школьной раздевалке.

* * *

Абсолютно все школы, как частные, так и государственные, пахли одинаково и выглядели в основном так же. С тех пор, как Дана в последний раз была в школе Франкстон, там почти ничего не изменилось. Ей безумно не хотелось уезжать от своих друзей, но в конце восьмого класса ее мать Лейси вышла замуж за первого отчима Даны, и они переехали в Остин, где Дана окончила старшую школу. Сейчас Лейси была замужем за Ричардом, отчимом номер три, и брак висел на волоске.

– Дана Клэнси, ты ли это? – раздался низкий голос за ее спиной.

Дана обернулась через плечо и остолбенела.

– О, привет, Маркус. Ты что тут делаешь?

– Преподаю историю, – сказал он и улыбнулся, обнажив идеально ровные зубы.

– Да ладно? – открыла рот Дана.

– Мам? – вопросительно приподняла бровь Брук.

– Это мой бывший одноклассник, с которым я ходила в эту школу. Маркус, познакомься с моей дочерью, Брук. Брук, это Маркус Грин.

Безусловно, она не станет рассказывать дочке, что ее учитель истории был заядлым любителем травки в средней школе.

– Рад знакомству, – сказал Маркус и кивнул Брук. – Так ты замужем?

– Была, – ответила Дана. – Очень давно. Нам сейчас нужно в кабинет директора, чтобы оформить Брук.

Она взяла Брук и направилась дальше по коридору, но Маркус догнал их и пошел рядом.

– Значит, вернулась жить на озеро? Соболезную по поводу Энни.

– Благодарю. Это было огромное потрясение для всех нас, но мы постепенно приходим в себя.

– Стало быть, две другие сестры тоже вернутся? – спросил Маркус.

– Они здесь, но вряд ли уместно говорить, что они «вернулись». Сестры просто приезжали в гости на лето. На самом деле они никогда не жили здесь. Они были городскими девочками из Далласа, забыл что ли?

– Это я помню. У них еще имена какие-то странные, – сказал Маркус и остановился у двери. – Вот и кабинет. Есть в этой жизни постоянство.

– И слава богу, – улыбнулась Дана. – Рада была увидеть тебя, Маркус.

– Я тоже, – сказал он и, уходя, помахал рукой через плечо.

Он был не намного выше Даны, а ее рост в пять футов и шесть дюймов считался средним. Однако теперь он производил другое впечатление. В детстве он напоминал ей крохотную рок-звезду своими темно-каштановыми патлами до плеч. Теперь его волосы были коротко острижены. Никто и не догадается, что в прошлом этот парень с голубыми глазами за обедом обкуривался до остекленевшего взгляда.

Оформление документов для Брук отняло всего пятнадцать минут, и директор, миссис Джонсон, решила отправить ее на занятия.

– Я вижу, ты взяла с собой ранец. Я попрошу внучку Флоры показать тебе школу. Она ходит почти на те же уроки, что и ты.

– Хорошо... – медленно произнесла Брук, растягивая слоги.

– Если тебе не хочется, можешь не оставаться, – сказала Дана.

– Все лучше, чем мыть полы и прибираться в комнатах, – пожала плечами Брук.

Миссис Джонсон взяла микрофон и сделала объявление по громкой связи.

– Кэссиди Джоунс, просьба подойти в кабинет директора.

Не успела она договорить последнее слово, как дверь распахнулась и за ней показалась голова немного пухлой девочки с иссиня-черными волосами в хвостике и круглым личиком в розовых очках.

– Да, мэм, – сказала она.

– Это Брук Клэнси, новая восьмиклассница. У вас с ней одинаковое расписание.

Кэссиди кивнула.

– У нас первым уроком английский язык, и до него осталось всего минут пять, так что побежали.

– Здравствуй, Кэссиди. Я знаю твою бабушку всю жизнь. Я мама Брук, – сказала Дана.

– Приятно познакомиться, – улыбнулась Кэссиди. – Нам пора. Скоро прозвенит звонок.

Брук подхватила свой ранец, положила руку Дана на плечо и выбежала из кабинета вслед за девочкой в коридор, полный галдящих детей. Дана не планировала оставлять дочку сегодня на занятия, и ее сердце защемила тревога гораздо более сильная, чем в первый день Брук в детском саду.

– Все будет нормально, – заверила ее миссис Джонсон. – Кэссиди – прилежная ученица. Сегодня она покажет Брук что да как, и к понедельнику ваша дочь уже освоится.

– Надеюсь. Спасибо вам. Мы поселились у Энни. Я ведь указала наш номер телефона?

– Да. Правда, мы все равно знаем его наизусть, ведь мы всегда бронируем столики на воскресный ужин. Соболезнуем по поводу Энни. Она всегда много помогала нашей школе. Я уверена, Брук быстро вольется в коллектив. Да и к тому же, вы уже принесли все документы, чем очень облегчили мне работу. Вы потом сами заберете Брук или мне посадить ее на школьный автобус? – спросила миссис Джонсон и, надев очки, опустила взгляд на лежащее перед ней заявление. – Вы будете управлять пансионатом? Будет жаль, если он закроется. Как дела у Сед? Они с Энни дружили с давних пор и работали бок о бок... хм, дай бог памяти... лет пятьдесят, наверно?

– Примерно столько. Дядя Сед скорбит, как и все мы. Это стало для нас неожиданностью, ведь она попросила его не рассказывать нам о том, что больна. Очень надеемся, что дядя Сед не захочет пока что уходить на пенсию.

– Дядя? – удивленно переспросила миссис Джонсон. – Но ведь он черный. Разве он... – она запнулась на полуслове.

– Что вы, дома мы его всегда так называем, – ответила Дана. – Хотя он нам скорее как дедушка, чем дядя, – пожала она плечами.

Миссис Джонсон сложила все бумаги в ровную стопку и отложила в сторону.

– Остановка Кэссиди уже после коттеджей, стало быть, нам не придется волноваться. Я только предупрежу ее, чтобы Брук села вместе с ней.

– Еще раз спасибо, – поблагодарила ее Дана и направилась к двери.

Зазвонил телефон, и миссис Джонсон сняла трубку, помахав Дана другой рукой на прощание.

Вихрь мыслей крутился в ее голове в тишине салона пикапа, пока она проделывала обратный путь по шоссе. Нет, конечно же, в школе не возникнет проблема наркомании. Когда она там училась, в это дело ввязались только Маркус и маленькая компания школьников. Но что будет теперь, когда он учитель? Достаточно ли бесед она провела с Брук о вреде наркотиков? Она напомнила себе, что нужно поговорить об этом еще раз на выходных. Особенно о том, что может произойти, если употреблять наркотики и пить алкоголь.

Она не помнила, как ехала по дороге и переезжала мост, но когда пришло время свернуть, пропустила поворот. Дана проехала вверх по дороге до бара на холме, развернулась на парковке и медленно двинулась обратно. Когда она повернула направо, вдали показались коттеджи и магазин. Она припарковала пикап перед домом и пошла назад к магазину пешком. Она всерьез задумалась о том, чтобы перевести Брук на домашнее обучение и не переживать

из-за негативного влияния извне, но потом осознала, что, если учить Брук в присутствии двух ее тетюшек, то, возможно, она нахватается чего-нибудь и похуже, так что пусть лучше идет в государственную школу.

Жизненный путь не устлан розами.

– Кто знает, – сказала она, распахнув дверь, и включила свет. – У роз есть шипы, и Тауни и Харпер, несомненно, всегда были шипами на моем пути.

Так же, как и ты для них, – прозвучал в голове Даны голос бабушки.

– Может быть, – кивнула она.

Она вытащила телефон из сумочки и нажала кнопку «быстрого набора», чтобы позвонить своей матери, но связи не было.

– Что за черт, – выругалась она.

Она сняла трубку проводного телефона и набрала номер. После третьего гудка Лейси приняла вызов, и в трубке послышалось частое дыхание, будто она запыхалась.

– Алло, ты меня слышишь? Они что, правда кремировали Энни? – спросила она. – Почему ты звонишь из магазина?

– Слышу. Да, правда. Не забывай, что телефоны здесь вне зоны доступа. Вай-фая тоже нет. Брук рвет и мечет.

– Бедный ребенок, – пыхтя, сказала Лейси.

– Я не вовремя звоню?

– Нет-нет, что ты, дорогая. Я только зашла домой после пробежки в две мили. Я все-таки не молодею, а бег хорошо снимает стресс. Сегодня я подаю на развод. Твой отчим снова изменил, и этот раз станет последним, – сказала Лейси. – Две принцессы тоже там?

– Да. Я буду заведовать магазином. Харпер помогает дяде Седу на кухне, а Тауни управляет делами бизнеса в офисе, который ей организовали в коттедже, – сказала Дана.

– Это шутка? Я думала, Тауни умеет только прохладиться на крыльце, попивая сладкий чай, и помахивать ресничками. Харпер готовит и убирает за другими? Не могу даже представить себе эту картину, – захихикала Лейси.

– Я звоню по другой причине. Я переживаю, что придется оставлять Брук в новой школе. Даже оставить ее в детском садике было не так тяжело.

– В тебе говорит материнский инстинкт. Перемены всегда к лучшему. Я приеду навестить вас как-нибудь летом, и, надеюсь, к тому времени ты уже обвыкнешь и полюбишь это место. Тебе всегда нравилось отдыхать у Энни.

– Я так ее любила, – сказала Дана дрогнувшим голосом.

– Слава богу, она тоже любила тебя. Если бы не помощь Энни и Седа, мы бы не справились. Твой отец и пальцем не пошевелил, чтобы нам помочь. Свалил в колледж, и больше мы его не видели.

Каждый раз, когда Лейси вспоминала имя Гэвина Клэнси, в ее голосе слышалось презрение, будто она сама не имела к своей беременности совершенно никакого отношения.

– Тебе кажется, во мне просто говорит материнское беспокойство? – спросила Дана, намеренно уходя от темы о своем отце.

– Конечно, а что еще? Так, мне надо быстренько принять душ и надеть что-нибудь по красивее. В десять часов я встречаюсь со своим адвокатом. Он вдовец и очень обеспеченный, – сказала Лейси.

– Ты уже присмотрела себе четвертого? Так кто кому изменил? – спросила Дана.

– Важно не то, кто кому изменил, а кто попался с поличным. Я ведь имею право иногда закрутить роман?

– А если бы с поличным попалась ты?

– Я бы все равно крутила романы, но уже без баснословных выплат по брачному договору, – засмеялась она. – Все, дочка, я побежала. Созвонимся позже. Если тебе там не понравится, будешь жить со мной. Дом отойдет мне, это уж точно.

– Спасибо, мамуля. Пока! – сказала Дана и повесила трубку.

Жизнь с сестрицами, конечно, не сахар, но лучше уж Дана будет проживать с ними, чем с матерью, которая превратит ее жизнь в настоящий ад.

* * *

В тот вечер Сед сидел в своем кресле-качалке и вздыхал. Он бросил взгляд на соседнее кресло и улыбнулся.

– Ох, ну и работенку ты мне подкинула, Энни. Каждая девочка борется со своим демоном. Я стараюсь проявлять терпение и понять, почему они не могут открыться друг другу и стать одной семьей, но порой хочется просто научить их уму-разуму.

Несколько минут он сидел так, попивая вино из бокала, и вдруг нахмурился.

– Да, я понял тебя. Они стали такими не за один день, потому им нужно время, чтобы научиться любить и доверять друг другу. Знаешь, Энни, мне ведь тоже осталось немного. Мне одиноко без тебя, да и я давно уж готов покинуть этот бренный мир. Если бы ты меня подождала, мы могли бы выселиться вместе.

Еще один глоток вина.

– Я знаю, ты была над этим не властна. Ты хотела, чтобы мы стали как та пара из «Дневника памяти»². Мне грех жаловаться, правда? По крайней мере, ты до последнего вдоха помнила меня, в отличие от героини фильма. Я должен быть за это благодарен.

Он допил вино и отставил бокал в сторону.

– Что ж, пора спать, так что спокойной ночи, моя милая Энни. Я и представить себе не мог, что можно скучать по человеку настолько сильно, – сказал он, послав воздушный поцелуй в сторону деревянной шкатулки, где хранился ее прах. – Зажги свечу подле окна, чтобы я нашел к тебе дорогу, когда Господу вздумается забрать меня на небеса.

² «Дневник памяти» – американская мелодрама 2004 года режиссера Ника Кассаветиса, главные герои которой – пожилая пара – умирают одновременно, взявшись за руки.

Глава четвертая

Тауни никогда даже в голову не приходило, что настолько отдаленное от цивилизации место может приносить достаточно дохода, чтобы хватало на жалование Флоры и Седа, три зарплаты поменьше и частичные выплаты Брук. Однако когда до четырех часов того дня все коттеджи, кроме одного, оказались заселены, она подсчитала, сколько денег они заработают за несколько дней, и поняла, что это место – настоящая золотая жила.

Она сидела и проверяла расписание уборки комнат для Флоры, когда заметила, что позже вечером в шестой коттедж рядом с ней заселится пара молодоженов, мистер и миссис Томас Смит, которые останутся только на два дня – пятницу и субботу.

– Проводить здесь медовый месяц? Они что, с ума сошли?

– Надеюсь, я не сошел с ума, но не мне об этом судить, – сказал молодой парень, вошедший в коттедж, и его лицо показалось Тауни отдаленно знакомым.

Что-то зашевелилось в отдаленных уголках ее памяти. Она могла бы поклясться на Библии, что уже слышала его голос раньше. Нахмурившись, она поискала его имя в регистрационных списках. Уайатт Симпсон. Ей показалось, что она знает это имя, но откуда?

Вдруг ее озарило. Он отдыхал в пансионате у озера тем летом, когда все три сестры в последний раз приезжали сюда вместе. Он и Харпер спускались к озеру каждый вечер, и Тауни видела, как они целовались. Картинка, всплывшая в ее памяти, испарилась, и вместо нее возникла другая: ранее утро и Харпер, которая пробирается через черный ход. Неужели в ту ночь она бегала встречаться с Уайаттом?

– Что? – спросила она, нахмурившись.

– Вы же сами спросили, сумасшедший ли я, – улыбнулся он.

– Извините, я зазевалась. Я не с вами разговаривала. Просто размышляла вслух про пару, которая собирается проводить здесь медовый месяц. Я спросила «Они сошли с ума?», а не «Вы сошли с ума?» – ответила она.

– Тогда нет, они не сошли с ума. Что может быть лучше медового месяца на озере? Сплошная романтика. Я Уайатт Симпсон, и вы заселили меня во второй номер с двумя кроватями, а мне нужен третий с двуспальной кроватью.

– У нас оставалось три коттеджа, но вы не уточнили при бронировании, какой вам нужен.

– При Энни я никогда не указывал коттедж. Она и так знала, какой мне нравится.

– Что ж, я пока еще всех не запомнила, так что, пожалуйста, указывайте все сразу при бронировании.

Он кивнул.

– Я рыболовный эксперт. Через полчаса сюда приедут четверо рыбаков. Им будут нужны два коттеджа с отдельными кроватями, – объяснил он. – Я мог бы сейчас взять ключи на всех и переложить свои вещи в дом с кроватью побольше.

– Да, конечно, – сказала Тауни, переставляя номера коттеджей на компьютере, после чего она передала ему ключи, висевшие на крючках с внутренней стороны двери. – Бывали уже у нас?

– Много раз. Переехал сюда жить вместе с бабушкой, он тоже был рыболовным экспертом. Когда его не стало, дело перешло в мои руки. А вы, случайно, не одна из внучек Энни?

– Да, я самая младшая, Тауни.

– Соболезную по поводу ее кончины, но хорошо, что благодаря вам пансионат не закрылся, – сказал он.

– Спасибо. Вам еще что-нибудь нужно?

И что только Харпер в нем нашла? Скорее всего, дело в том, что тем летом он был единственным парнем в округе. Русые волосы, карие глаза, высокий и мускулистый с крепкими руками, но все же ничего особенного в нем не было, по крайней мере, на вкус Тауни.

– Вы единственная из внучек, кто приехал сюда? – спросил Уайатт.

– Нет, – покачала головой она. – Мои сестры, Харпер и Дана, тоже здесь.

Уайатт задержался у двери.

– Харпер тогда было пятнадцать, а с Даной приехала маленькая дочка. Три или четыре годика. Дедушка считал ее самым милым созданием на земле.

Тауни подняла голову и взглянула ему в глаза.

– Да, это так. Сейчас этой девочке четырнадцать лет.

– Надо же, вот ведь время летит! Мне в тот год было всего шестнадцать, и после того раза я долго здесь не появлялся. Правда, после колледжа я решил, что просиживать штаны в офисе – это не для меня, и пошел по дедушкиным стопам, – сказал Уайатт. – Ладно, мне пора. Был рад свидеться.

– На ужин придете? – спросила Тауни.

– Конечно, я ни на что не променяю гамбургеры Седа. Жаль, в полдень пропустил блюдо дня, – сказал он и закрыл за собой дверь.

Тауни вышла из коттеджа и пошла по направлению к магазину. Если правильно подступиться к Дане и не разозлить ее, то, возможно, Тауни сможет разузнать, что ее старшая сестра помнит о событиях того лета. Магазин оказался наводнен – рыбаки стояли за наживкой, ребяташки канючили эскимо, а их родители запасались едой для пикника, поэтому Тауни схватила пачку свиных шкварок с бутылкой рутбира и подняла их высоко вверх. Дана кивнула, и Тауни ушла, так ничего и не выведав.

Она жевала шкварки, когда вдруг зазвонил телефон.

– Пансионат «У озера», – ответила Тауни.

Она привыкла, что все вокруг всегда называли его «пансионатом Энни», поэтому официальное название звучало для нее непривычно.

– Ты говоришь с набитым ртом. Я это прекрасно слышу, – резко сказала ее мать.

– Извини. Я умею себя вести, просто шкварки вкусные.

– Боже праведный! – ахнула Рета. – А я всегда была против того, чтобы вы приезжали туда на лето. Шкварки?

– Они восхитительны. Особенно поджаренные. Попробуй как-нибудь, – хихикнула Тауни.

– У меня не укладывается в голове, что ты переехала в эту лесную глухомань, – ледяным тоном сказала Рета.

– Какая разница, где я буду жить? Ты же открестилась от меня, или забыла? – ответила Тауни таким тоном, который мог разрезать металл.

– Я должна была преподать тебе урок. Мне виднее, как для тебя будет лучше, – сказала Рета.

– Так вот зачем ты закрыла мне и Харпер доступ к папиному наследству? Чтобы показать, как для нас будет лучше?

– Во всем виновато это чертово озеро. Энни за вами недоглядела.

– Эй, спокойнее! Я знаю, как повесить трубку, а проводной телефон издает такой приятный оглушительный удар. Я не потерплю, чтобы ты говорила про бабушку гадости.

– Она развалила нашу семью, – возразила Рета.

– Это ты ее развалила, когда отправила Харпер в интернат. Зачем ты так поступила? Папу после этого словно подменили. Ей было всего пятнадцать. Что она такого натворила, что ты ее вышвырнула? – спросила Тауни.

– Она уехала на свое шестнадцатилетие. Да, жестоко, но иного выбора у нас не было. Получите свое наследство, когда вам исполнится сорок или когда я увижу, что вы наконец научились нести ответственность за свои поступки. Бог судья, все из-за этого чертова пансионата – от него одни неприятности, – отрезала Рета.

– Неприятности находят меня везде, куда бы я ни пошла, мама. Здесь примерно десять коттеджей, и в каждом живут красивые и сильные мужчины. Я живу на таком же, как и в городе, расстоянии от магазина, где продаются все сорта пива. А если дойти до старшей школы, то там, я уверена, можно и дурь раздобыть.

Тауни понимала, что только подливает масла в огонь, но ее уже было не остановить.

– В кого только вы с Харпер такие уродились! Такого можно было бы ожидать от дочки-бастарда вашего отца, но у вас двоих было все, чего только можно пожелать, – вздохнула Рета.

– У Даны, вероятно, все сложилось гораздо лучше, чем у нас. У нее есть голова на плечах, и она хорошая мать для Брук, так что не надо ее оскорблять, – сказала Тауни, не веря, что она вступилась за старшую сестру.

– Ты только что доказала, что еще не достойна наследства, – сказала Рета, и в трубке послышались гудки.

– И я тебя люблю, мама. – Тауни с силой хлопнула трубкой по базе телефона и пробормотала: – Если бы ты только знала, сколько это место стоит, ты бы уже мчалась сюда, желая наложить на него свои загребушие ручонки.

* * *

Харпер бегала между кухней и залом, доливая напитки, когда в кафе зашла группа парней в кепках с рыболовными крючками и разными значками на козырьках. Она поставила два кувшина на стойку с напитками и направилась к единственному свободному в кафе столику.

– Я смотрю, все сегодня надели свои счастливые кепки.

– Ага, мы очень суеверные. Можно мне сладкого чаю и гамбургер с двумя котлетами, двойным сыром и картошкой фри, – сказал ближайший к ней молодой человек.

– А остальным? – спросила она, не поднимая глаз.

– То же, что и старине Донни, – сказал другой.

– Мне тоже, – хором отозвались еще двое.

– Что ж, это все упрощает. А вам? – спросила она парня, который забрал пятый стул у двухместного столика.

– У вас после обеда случайно не осталось фруктового пирога? – спросил он.

Заряд, похожий на электрический, пронзил ее тело и приковал к полу. Она помнила этот низкий голос и то, как бунтовали ее гормоны каждый раз, когда он приближался к ней на расстояние двадцати футов.

– Когда я смотрела в последний раз, у нас оставалось восемь порций, – ответила она.

– Отложите их все для нас. Не съедим сейчас – возьмем с собой, и, кстати, привет, Харпер, – сказал Уайатт.

– Уайатт, – ее голос стал выше обычного по крайней мере на две октавы, а руки задрожали. – Что привело тебя сюда?

– Он наш рыболовный эксперт. Мы уже три года приезжаем сюда на неделю. Так вы знаете этого несносного паренька? – спросил самый старший в их компании.

– Знала, но с тех пор, как нам было шестнадцать, много воды утекло.

Она боролась с желанием выбежать из кафе, запрыгнуть в свой пикап и уехать, даже не заглядывая в зеркало заднего вида. На сбор вещей уйдет ровно тридцать минут. Когда она ездила в Тайлер за припасами, она починила там оба колеса, поэтому у нее все было готово. Но ей не хотелось подставлять дядю Седа и оскорблять бабушкину память.

Вместо того чтобы прикрепить заказ над стойкой раздачи, она взяла и унесла его с собой на кухню. Ей нужно было несколько секунд, чтобы успокоиться и утихомирить свое бешено стучащее сердце. Черт бы его побрал! Она думала, что все чувства к нему давно прошли.

Из-за плиты выглянул Сед и указал ей на барный стул возле своего рабочего стола.

– Ну-ка присядь! Ты будто привидение увидала. Что произошло? Тебе явилась Энни?

Харпер облокотилась одним бедром о стул и положила локти на барный островок.

– Нет. А тебе она являлась?

– Пока нет, – вздохнул он. – Во мне еще теплится надежда, но пока этого не произошло. Моя матушка рассказывала, что, когда померла ее бабушка, однажды ночью она увидела, как та стоит у края ее кровати и потом исчезает. Она всегда думала, будто бабушка говорит, что ей там хорошо и не нужно переживать. Так что у тебя случилось? Ты чуть было в обморок не упала.

– Я кое-кого увидела, но это был не призрак. Он был очень реальным. По правде говоря, я не ожидала, что когда-нибудь увижу его еще раз, – ответила она.

Сед выглянул из окошка и помахал рукой.

– Ты про Уайатта? – сказал он и почесал подбородок. – Он у нас частый гость. Не приезжал только несколько лет, когда его дед помер. Парень закончил школу и уехал в колледж. Получил эту вашу почетную степень в каком-то там престижном месте, но решил, что ему не нравится жить в большом городе. Он вернулся в Линдейл и продолжил дело своего деда. Почти как и ты.

– Значит, он бывает тут каждый год? – спросила Харпер.

– Ага. Весной и летом почти каждую неделю приезжает, – сказал Сед, раскладывая на противне котлеты. – Мы зарабатываем благодаря постоянным клиентам и сарафанному радио. Энни всегда говорила, что это лучше, чем подавать рекламу в газеты. А почему ты спросила про Уайатта?

– Он сидит там с компанией рыбаков, и я его узнала. Его дедушка раньше приводил его сюда, – сказала Харпер.

– И однажды летом ты в него влюбилась, – ухмыльнулся Сед.

– Это было очень-очень давно.

– Судя по твоему лицу, все-таки недостаточно давно, чтобы ты его позабыла.

– Что поделать. Первая любовь, она такая. Особенно когда ты молод, – сказала она.

– Прекрасно тебя понимаю, – вздохнул он.

– Я совсем не ожидала его увидеть. Я должна вернуться туда и проверить, что у них есть все, что нужно.

Он похлопал ее по плечу.

– Из тебя получится замечательная официантка. Горжусь тобой, моя девочка.

Двигаясь между столиками – в основном с рыбаками, – она ловила то обрывки разговоров про сома размером с Моби Дика, то истории про то, как они наловили столько окуня, что чуть не потопили лодку, пытаясь доставить всю рыбу на берег. Она почти добралась до столика Уайатта, когда внезапно из кухни прозвенел звонок, и она побежала забирать их заказы.

Выкладывая блюда перед пятью мужчинами, она старалась не задеть ненароком руку Уайатта и даже избегала смотреть ему в глаза. Его присутствие вгоняло ее в такой жар, что ни одна белая таблеточка на свете не смогла бы вылечить ее от этого недуга.

– Сед мог бы открыть бургерную в любой точке земного шара, и люди бы туда сбегались. Ему надо написать свою книгу рецептов. Он бы миллион баксов на ней заработал, это я вам точно говорю, – сказал Уайатт.

– Может быть, и так, но скорее всего он не захочет раскрывать свои секреты, – сказала Харпер. – Что-нибудь еще, молодые люди?

Работать в кафе оказалось приятнее, чем в баре, но всякий раз, когда кто-то упоминал Энни, к ее горлу подступал огромный комок.

– Вам когда-нибудь говорили, что вы очень похожи на кантри-певицу Дину Картер? – спросил самый старший в их компании.

– Не-а, и можете мне не льстить – это все равно ни к чему не приведет, – покраснела она.

– Она моложе Дины. На мой взгляд, она больше смахивает на Кэрри Андервуд.

– Можете не рассчитывать даже на дополнительный десерт, – саркастически отметила она, доливая им в кружки чай.

Харпер направилась в другой конец зала, чтобы убрать с освободившегося столика. Несколько лежащих там долларов она засунула себе в карман. Теперь, когда пикап отремонтирован и больших трат не предвидится, можно начать копить на чаевых.

Она держала себя в руках, когда Уайатт с рыбаками покинули кафе, но весь оставшийся вечер в ее голове мелькали случайные видения. Воспоминания о том времени, которое она проводила с бабулей, своими сестрами и даже с Брук в детстве; однако больше всего воспоминаний касалось Уайатта.

Когда ровно в семь вечера Сед закрыл дверь и протянул ей метлу, она мурлыкала себе под нос старую песенку Дины Картер «Клубничное вино». В те времена они с Уайаттом никогда не пили вина, но текст песни в точности описывал все происходившее тем летом.

– Я приберусь на кухне. Ты можешь заняться обеденной зоной. Думаю, это займет где-то полчаса, и потом пойдем домой. Что за песню ты напеваешь? – спросил Сед.

Она сказала ему название.

– В кантри всегда заложена какая-нибудь история. А все эти новинки просто повторяющаяся чепуха. Нам осталось закончить последнюю работенку на сегодня, и можно идти домой, – сказал он.

– Мы и так дома, – сказала Харпер и продолжила мурлыкать мелодию.

– Мне нравится твой подход. Люблю, когда ты счастлива.

Она неловко пожала одним плечом.

– Слушай, ты же знаешь, я всегда могу найти, куда устроиться. В подростковом возрасте я никогда не сидела без дела, но эта работа для меня как дар божий, сошедший с небес.

– Когда заработаешь достаточно денег, ты сбежишь? – Сед остановился и повернулся к ней.

Она начала подметать полы.

– Никогда не знаешь, что принесет завтрашний день.

– Что правда, то правда, – сказал он, улыбнувшись.

Закончив уборку, Харпер вернулась к себе в коттедж, но никак не могла найти себе места. Она переключалась туда-сюда между двумя каналами по телевизору, но ни один не цеплял ее внимания. Картины из прошлого. В ее голове продолжала нарастать целая лавина воспоминаний. Это было волшебное время, когда они с Уайаттом вместе открыли для себя мир секса, когда по юношескому неведению они повели себя неосторожно и она забеременела. Ее никогда не покидало чувство вины, которое она ощущала с тех пор, как отдала ту драгоценную малышку в приемную семью. По привычке ей захотелось выпить или убежать куда-нибудь, но, собравшись с духом, она решила не делать этим вечером ни того, ни другого.

Седу нужна ее поддержка, а Харпер должна наконец взглянуть в лицо своему прошлому, иначе она никогда не шагнет вперед в будущее. Ей было нужно что-то – хоть что-нибудь – лишь бы убежать от удушающих картин, мелькавших в ее голове. Она порылась внутри своей коробки с книгами и отыскала ту самую, которую читала десятки раз и до сих пор любила, но даже ее любимая писательница Кэти Лейн³ не смогла ее увлечь.

³ Техасская писательница, автор любовных романов.

В конце концов она надела куртку и вышла посидеть на старом металлическом стуле в углу своего крылечка. Звезды ярко сияли, вращаясь вокруг полумесяца в черном бархатном небе. Множество жарких летних вечеров она провела в этом самом коттедже под номером двенадцать, в котором они с Уайаттом Симпсоном предавались безудержному и неистовому веселью, нередко распив перед этим шесть банок пива.

Внезапно короткие волоски на ее шее встали дыбом, а пульс резко участился, давая ей понять, что где-то совсем рядом находится Уайатт. Он вышел из тени на лунный свет. Она вытянула свои длинные ноги и обхватила их руками.

– Привет, – сказал он. – Думаю, выйду на вечернюю прогулку по старой тропинке за домиками. Так ты живешь в этом коттедже? Помню...

Она подняла ладонь.

– Это было очень давно.

– Десять лет, если я правильно помню. Мы были парочкой глупых подростков, да?

– О, да, – кивнула Харпер.

Он не имел даже ни малейшего представления о том, насколько глупыми и безответственными они были в то лето.

– Ты здесь всего на пару недель или останешься надолго?

– Я правда не знаю. По сути, я живу одним днем, – ответила она.

Он кивнул.

– Понимаю тебя. Не возражаешь, если я присяду? – спросил он.

Она пожала плечами.

– Ступенек полно. Устраивайся на ту, которая кажется поудобнее.

Он присел на верхнюю ступеньку и вытянул ноги вдоль лестницы до самой земли.

– Я не могу забыть то лето. А ты?

– Да, я тоже, – ответила она.

То лето определило ее судьбу на последующие десять лет и стало причиной, по которой она теперь каждую весну мучается угрызениями совести.

– Два сумасшедших подростка нашли друг друга, пиво, секс... Ты замужем? – спросил он.

– Нет. А ты?

Он покачал головой.

– Пока нет.

– Помолвлен? – спросила Харпер.

– Был когда-то. Ей претила мысль, что я рыболовный эксперт.

Она не осознавала, что в ожидании его ответа затаила дыхание. Не то чтобы это что-нибудь меняло. Теперь они совершенно разные люди.

– Кем же она хотела тебя видеть?

– У меня есть образование в сфере торгового предпринимательства, и я работал на ипотечную компанию год, пока не понял, что мне не идет костюм-тройка, – усмехнулся он. – А ты чем занималась?

– Я сменила много мест работы, подрабатывала то тут, то там, просто чтобы хватало на жизнь. Последний раз работала в баре и жила в квартире над ним, – ответила она.

– Это шутка?

– Не-а, последний класс я не закончила, но аттестат получила. В колледже ни разу не появлялась.

Он встал с лестницы.

– А я полагал, что у тебя уже есть одна или две нефтяные скважины, или ты, наверно, модель какого-нибудь модного бренда одежды.

– Разочарован? – спросила она.

– Ни в коем разе. Мы все должны найти свой путь. Как говорила моя любимая тетя: не важно, что ты делаешь, главное, чтобы ты был счастлив.

– Судя по всему, она очень мудрая. Прохладно становится, – поерзала она. – Пойду-ка я внутрь.

– Если пригласишь к себе, я могу принести из своего коттеджа ящик пива, – ухмыльнулся он.

Она покачала головой и встала.

– Не сегодня. Мы больше не те сумасшедшие дети.

– Жаль, конечно. То лето было лучшим в моей жизни. Может быть, как-нибудь в другой раз. За завтраком увидимся?

– Это моя работа на все время, пока я здесь, – сказала она.

Как написал однажды один великий писатель, то лето было для Харпер одновременно и лучшим и худшим из всех. Сладкое пробуждение обернулось кошмаром наяву.

Она вошла в дом и упала на кровать, зарывшись лицом в подушку. Затем она перевернулась и погрозила кулаком в окно.

– Боже, за что? Зачем ты поселил меня в этом коттедже и послал Уайатта Симпсона на озеро в первую неделю моего пребывания здесь?

Встреться лицом к лицу со своими демонами и оставь прошлое, – четко сказал голос в ее голове. Неужто Бог говорит с ней? Если так, то он просто не знает, насколько страшны были ее демоны.

* * *

– Наконец-то я чувствую себя как дома, – промычала Брук в перерывах между поеданием своего любимого ужина: спагетти, салат, горячие булочки и шоколадный торт на десерт.

– Как прошел первый день в школе? – спросила Дана.

– Все нормально. Мне очень нравится Кэссиди. Мы уже подружились, а еще там есть один мальчик... – Брук положила руку на сердце и затрепетала густыми ресничками. – Он ходит в ковбойских сапогах и облегающих джинсах, и он просто мечта. В государственной школе все по-другому. Формы нет. Все выглядят по-разному.

Сердце Даны екнуло и упало на уровень ее розовых пушистых тапочек. Она не была готова к тому, что Брук будут нравиться мальчики и она захочет ходить на свидания.

– Но у него есть девушка, и он старшеклассник, так что он даже не взглянет на меня, – вздохнула Брук. – Но когда у меня появится парень, он будет выглядеть так же, и от него мое сердечко растает. А знаешь что? – Она убрала руку с груди и сменила тему разговора. – Надо было пригласить тетю Харпер и тетю Тауни. Им наверняка одиноко.

– У них тоже есть работа, как и у нас. Завтра и в воскресенье ты будешь помогать Флоре в прачечной.

Дана бы ни за что не стала приглашать этих двоих на ужин. Бабушка поступила мудро, распределив их обязанности. Если бы ей пришлось проводить по тринадцать часов в день в одной комнате с Харпер или Тауни, вскоре на нее бы надели смирительную рубашку. Или того хуже – она бы угодила в тюрьму.

Брук застонала.

– Уж лучше убираться в лошадиных стойлах.

– Ты видела здесь стойла?

Ее дочь покачала головой.

– Когда мы закончим завтра вечером и магазин закроется, может, спустимся к озеру? Можно даже взять бутерброды или попросить дядю Седа приготовить нам чизбургеры.

– Раньше по пятницам или субботам мы устраивали ночь кино и попкорна. Почему бы просто не продолжать в том же духе, Брук?

Возможно, есть маленькая вероятность, что если она сохранит верность традициям, то сможет отсрочить неизбежный интерес Брук к мальчикам.

– Тогда давай в воскресенье после работы? – предложила она.

– Может быть, если не будет дождя, – согласилась Дана.

– Знаешь, что мне больше всего нравилось в гостях у бабушки Энни? – спросила Брук и продолжила говорить, не давая Дане ответить: – Мне нравилось сидеть с ней на садовых качелях. Когда мы отужинаем, можно мы выйдем на крыльцо и покатаемся? Поговорим о бабушке, и я смогу с ней попрощаться.

– Конечно, пойдем, – сказала Дана, подавив комок в горле. – Если хочешь, давай возьмем с собой туда десерт.

– Бабушке бы это понравилось, – сказала Брук.

* * *

Туча заслонила собой луну, закрыв половину света, в то время как они сидели на качелях и прислушивались к скрипу цепей, поедая шоколадный торт, и пили вместе апельсиновую газировку прямо из бутылки.

– Этот вкус напоминает мне шоколадно-апельсиновые конфеты, которые мы дарили бабушке Энни на Рождество, – сказала Брук.

Каждый год Дана покупала для бабушки Энни маленькие апельсинки, завернутые в фольгу. Она любила сочетание этих двух вкусов и всегда мечтала о том, чтобы найти эти сладости в своем чулке.

А ведь я даже не подозревала, что прошлым Рождеством вижу ее в последний раз. Если бы я только знала, то принесла бы ей дюжину этих шоколадных апельсинов, – подумала Дана.

Брук указала на небо.

– Посмотри на эти звезды. Думаешь, в раю на небесах правда есть дыры в полу, как поется в той кантри-песне? Бабушка может заглянуть вниз и увидеть нас?

– Не знаю, – ответила Дана. – Но если это так, то я уверена, она счастлива, что мы продолжаем ее дело здесь.

– И особенно, что мы поддерживаем дядю Седа, – сказала Брук. – Она будет скучать по нему больше, чем по всем остальным. Он стал еще хуже с тех пор, как мы видели его в прошлый раз.

– Он, похоже, и вправду похудел, но ведь в последние недели ему пришлось взвалить на свои плечи и свою, и бабушкину работу. Может быть, теперь, когда мы все ему помогаем, он немного наберет. Почему ты думаешь, что она будет скучать по нему больше, чем по нам?

– Они были лучшими друзьями всю свою жизнь. Мне так бабушка сказала в последний раз, когда мы виделись. Она рассказывала, что они с дедушкой Шеймасом и дядей Седом родились в этом месте, еще когда здесь не было озера и стояла пара фермерских домиков, поэтому они всегда дружили. Если бы у меня была такая подруга, я бы точно так же скучала по ней.

Брук доела свой кусочек торта и слизнула с тарелки остатки шоколада.

– Брук Клэнси, это дурной тон, – одернула ее Дана.

– Когда я так делала, бабушка смеялась, и сейчас я говорю ей «до свидания», так что в этом нет ничего страшного.

Дана не смогла сдержать улыбку.

– Как ты думаешь, ты и Кэссиди когда-нибудь станете такими же друзьями, как бабушка и дядя Сед?

– Может быть, если мы останемся здесь навсегда. Посмотрим, как пойдет, – Брук поежилась. – Холодает. Нам лучше пойти внутрь.

Когда они вошли в дом, их встретил порыв теплого воздуха и звонок телефона на кухне. Старый желтый телефон висел на стене прямо за черным входом, и Дана бросилась к нему. Она успела снять трубку на четвертом гудке и, запыхавшись, сказала: «Алло».

– Думаю, ты должна была сказать «Пансионат у озера» или хотя бы «Пансионат Энни», – ответила в трубке Тауни.

– Может быть, мне просто говорить «Булка, блесна и болонская колбаса. Приходи выпить, пожрать или поймать рыбу – нам плевать, только заплати», – парировала Дана. – Чего тебе?

– Можно я приду к дому и посижу немножко на качелях? Так непривычно, что бабушки здесь нет, и мне бы хотелось попрощаться с ней, – ответила Тауни. – Я не буду вам мешать.

– Я не против, – сказала Дана.

– Спасибо.

Дана продолжала стоять и смотреть на телефон в своей руке целых тридцать секунд, пока Брук не забрала у нее трубку и не повесила ее на место.

– Ты в порядке, мама?

– Тауни сказала «спасибо». По-моему, я никогда не слышала, чтобы она говорила это слово, по крайней мере, мне.

Она вспомнила времена, когда она сидела на качелях или на крыльце со своими сестрами, которые были гораздо младше нее. Это была их общая игровая площадка, и, наверно, Тауни думала о том же.

– Как ты думаешь, вы когда-нибудь подружитесь? – спросила Брук.

– Скорее всего, нет, – ответила Дана.

– Но ведь... – начала Брук.

– Бабушка всегда говорила «что есть, то есть», и я с этим смирилась. Иди-ка ты в душ, дорогая. Час поздний.

– Слушаюсь, мэм, но ведь я так люблю тетю Тауни и тетю Харпер. Эх, хотелось бы... – сказала она и заколебалась.

– Мне тоже, детка, мне тоже, – сказала Дана и приобняла ее.

Она твердо решила для себя даже не выглядывать наружу и позволить Тауни уединиться, как ей того хотелось. Но внезапно услышала голоса и вышла на крыльцо, где обнаружила Харпер, сидящую на верхней ступеньке, и Тауни, которая разлеглась на качелях во весь рост и даже не предложила уступить место.

– Я не знала, что вы обе придете, – сказала она.

– А я не знала, что надо спрашивать разрешения, – сказала Харпер, подняв маленькую бутылочку «Джека Дэниелса». – За бабушку Энни. Покойся с миром и знай, что мы будем продолжать твоё дело.

Тауни приподняла банку пива.

– За бабушку Энни. Это было твоё любимое пиво. За наследство, которое ты нам оставила.

Дана присела на ступеньку рядом с Харпер и взяла у нее из рук бутылку виски. Она пригубила его и подержала во рту несколько секунд перед тем, как позволить жидкости соскользнуть в горло, согревая ее изнутри.

– За бабушку Энни, которая никогда бы не подумала, что увидит, как мы втроем пришли к общему мнению, но мы хотим, чтобы ты знала, что мы сделаем все возможное, чтобы твоё дело жило и процветало.

– Ха! – фыркнула Харпер. – Никогда бы не подумала, что доживу до того дня, когда ты дотронешься своими губами там, где были мои.

– Виски убивает микробы, – сказала Дана. – Мы дали свои клятвы. Мы их сдержим, как считаете?

– Сделаю все, что в моих силах, черт побери, – кивнула Харпер. – Надеюсь, для этого мне не придется быть с вами белой и пушистой.

– Я тоже надеюсь, – сказала Тауни. – Нам нужно надевать маски радушия ради дяди Седа. Ему сейчас так грустно и совсем не хочется видеть, как мы ссоримся. Если что-то не нравится, то мы должны держать язык за зубами, пока он не выйдет.

– Соглашусь. Последнее время он выглядит таким ранимым. Я переживаю за него, но он не дает мне делать за него его работу в кафе, – сказала Харпер.

– Я постараюсь не вести себя как стерва, если вы будете делать так же, – сказала Тауни. Дана сжала губы в тонкую линию и кивнула в знак согласия.

Они обе повернулись и уставились на Харпер.

– Ладно, ладно! Я сделаю все возможное, но чудес не ждите, – сказала она.

– Тогда по рукам, – сказала Дана. – Я думаю, ему стало бы легче и он, возможно, примирился бы с утратой, если бы мы устроили похороны.

– Интересно, почему она была против похорон, – нахмурилась Тауни.

– Думаю, мы узнаем, когда придет время, – ответила Дана. – Хотите зайти? Ветер северный, холодный.

Зачем, черт возьми, она это лягнула? Ей не хотелось, чтобы они заходили в дом, и уж точно она не была готова быть «пушистой», как сказала Харпер.

– Я нет. На сегодня достаточно. Я возвращаюсь к себе, – сказала Харпер.

– Подожди... – Тауни поставила пустую банку на крыльцо. – Мне звонила мама. Она разозлилась на меня, так что не думаю, что мы увидим наше наследство, пока она жива.

– Она упоминала обо мне? – Харпер встала и протянула Данае бутылку виски. – Остался один глоток. Можешь допивать.

– Благодарю – Дана выпила последнюю каплю и оставила пустую бутылку на крыльце.

– Да, но только чтобы укорить нас в том, что мы обе глубоко ее разочаровали. Она вспоминает тебя исключительно в этих случаях. Это началось с тех пор, как мы были подростками и ты уехала в Калифорнию в тот интернат. После этого ты так и не вернулась домой. Почему?

– Она меня довела. Мне плевать на это дурацкое наследство. Я спокойно жила без него и, думаю, проживу и дальше без папиных денег, – заявила Харпер и ушла, не сказав больше ни слова.

Дана прислонилась спиной к столбику у крыльца.

– Что случилось тем летом, когда ее отправили в интернат? После этого все резко изменилось.

Тауни пожала плечами.

– Я точно не знаю. Папа никогда не перечил маме, когда она была в хорошем настроении, а когда она злилась, то тем более. Я ни разу не видела, чтобы она когда-нибудь злилась так, как тогда на Харпер. Ты видела картинку с надписью «Если мама не довольна, то никто не доволен?»

Дана рассмеялась.

– У меня была футболка с такой надписью несколько лет назад.

– В нашей семье это суцкая правда. То, что случилось, когда мы вернулись домой, повергло мать в ярость. Она швыряла тарелки и причитала, что не сможет смотреть людям в глаза, и на следующий день Харпер увезли на Западное побережье. Я думала, что они нашли в ее спальне наркотики. После того, как она уехала, жизнь превратилась в кошмар, – сказала Тауни.

– Она была совсем маленькой, как и ты, Тауни.

– Она уехала в свой шестнадцатый день рождения. Должно быть, она серьезно влипла, ведь меня мама не прогнала, даже в тот раз, когда ей пришлось выкупать меня из тюрьмы. Может быть, она забеременела, но тогда она бы родила ребеночка.

– В жизни не поверю, что ты наломала дров!

– Я протестовала против политики правительства. Мне было все равно, но мой тогдашний бойфренд был радикалом. Меня схватили и бросили в тюрьму за то, что я врезала женщине-полицейскому, которая пыталась надеть на него наручники.

Дана прикрыла рот рукой. Ей с самого рождения предрекали всяческие неприятности – именно это ожидалось от незаконнорожденного ребенка. Зато двоим золотоволосым чадам приделывали крылья и ореолы.

– Это случилось, когда мне было шестнадцать. Мама сказала, что если я когда-нибудь снова попаду в тюрьму, то она отправит меня куда-нибудь похуже, чем интернат Харпер. А Харпер была крепким орешком – если уж она не справилась, то я и подавно. Тогда я уже дважды попадала в неприятности в школе, и она сказала, что это мой третий и последний проступок. Мне удавалось избегать неприятностей до прошлого Рождества. С тех пор она меня люто ненавидит.

Дана не могла заставить себя зайти в дом, хотя на улице было прохладно.

– Это ужасно. Я, может, и разочаровалась бы в Брук, если бы она принимала дурные решения, но я никогда от нее не отвернусь.

– Это потому, что ты хорошая мать. Мне пора возвращаться. Мне стало лучше теперь, когда я попрощалась с бабушкой Энни. Думаю, ей бы даже понравилось то, как мы все трое это сделали.

– Я тоже так думаю, – кивнула Дана. – Спокойной ночи, Тауни.

– Спокойной ночи, – сказала она.

Дана сидела так долгое время, и улыбка озаряла ее лицо. Тауни сказала, что она хорошая мать. Ее младшей сестре никогда бы в жизни не пришло в голову, как сильно она хотела это услышать.

Наконец она зашла внутрь и увидела Брук, завернутую в длинный махровый халат и с тюрбаном из полотенца на голове. Она крепко обняла дочь и, прижавшись к ней, сказала:

– Я люблю тебя, малышка.

– А я люблю тебя сильнее, – хихикнула Брук. – Я оставила тебе немного горячей воды. От тебя что, пахнет спиртным?

– Это виски. Мы с твоими тетушками попрощались с бабушкой Энни на крыльце.

– Ей бы это понравилось, – усмехнулась Брук.

Глава пятая

Субботним вечером в баре выше по дороге от озера, куда приехала Харпер, оставалось всего несколько парковочных мест. Она урвала одно из них, проверила макияж и прическу в зеркале заднего вида в свете уличного фонаря за пикапом и распахнула дверь. Не пройдя и пяти ярдов, она услышала протяжный свист, но проигнорировала его. Она слишком много раз слышала эти звуки и потому уже не придавала им значения. Расплачиваясь за вход с большим дородным вышибалой у двери, она услышала стук сапог по деревянному полу и несколько подстрекающих возгласов, и это значило, что групповой танец уже начался.

Харпер скучала по тем дням, когда клубы дыма устремлялись ей навстречу, как только вышибала распахивал перед ней дверь. Но потом пошли слухи, что дым вызывает рак, и его прекратили использовать. Наверно, оно и к лучшему, но ей все же не хватало этого серого воздуха под потолком. Было нечто сексуальное в запахе дыма, клубящегося в воздухе, когда ковбой с привкусом виски на губах дарил ей поцелуй после тустепа на танцполе.

Женщина, которая вполне могла ослепить кого-нибудь количеством надетых на ней блестящих побрякушек, соскользнула с единственного свободного барного стула и поплелась в туалет. Харпер ринулась к стулу и почти припарковала свой бампер, как вдруг невысокая женщина в джинсах в обтяжку и болтающимися в пупке украшениями похлопала ее по плечу.

– Здесь сидит моя сестра. Я как раз шла занять ей место, когда ты его увела, – сказала она.

Харпер указала на пиво парня, сидящего рядом с ней, и бармен кивнул.

– Извини, но теперь здесь сижу я.

Женщина пристально посмотрела на нее.

– Значит, когда она вернется, ты уступишь ей ее место.

– Нет, – ответила Харпер.

Бармен поставил перед Харпер продолговатую бутылку пива «Коорс» и поспешил в другой конец бара обслужить парочку, размахивающую счетом между двумя старыми ковбоями, погруженными в беседу.

– Ты мне это место вернешь. Ответ «нет» не принимается.

Харпер сделала большой глоток из бутылки и поставила ее на стол.

– Это угроза?

Женщина пристально посмотрела на нее.

– Это факт.

Харпер ее проигнорировала и сделала еще один глоток.

Женщина, которая освободила место, шатаясь, вышла из туалета и остановилась в десяти футах от барной стойки.

– Я же просила придержать для меня место, Дейзи. Ну и какая после этого из тебя сестра?

Харпер даже представить себе не могла, чтобы кто-то из ее сестер пошел с ней в бар и занял ей там место. Они бы, скорее, сбросили ее с этого самого стула.

– Чего улыбаешься? – спросила Дейзи.

– Я не специально, но раз уж на то пошло, то тебя это не касается, – сказала Харпер.

– Сейчас коснется.

Дейзи схватила полупустую бутылку из-под пива и разбила ее о стойку бара. Зазубренный край мелькнул яркой вспышкой в глазах Харпер, и в следующий момент он рассек ей подбородок.

Вдруг из ниоткуда появилась Тауни, которая придавила каблуком своего ковбойского сапога ногу Дейзи и врезала ей кулаком прямо между глаз. Дейзи подкосилась, как большой дуб, и рухнула вниз, а рядом с ней на колени упала ее сестра.

– Ах ты дрянь! Ты убила мою дорогую сестру, – завизжала она.

– Какого черта ты творишь? Откуда ты вообще взялась? – воскликнула Харпер, пока по ее пальцам текла кровь, капая на рубашку.

– Да она бы зарезала тебя, а мне, вообще-то, уже больше двадцати одного года и я могу ходить, куда захочу, – сказала Тауни.

Дейзи села на полу и оттолкнула сестру в сторону.

– Я не сдохла, но этот дурацкий барный стул твой, так что забирай его и успокойся. Будешь сидеть в первых рядах и смотреть, как я надеру задницу этой девке.

– Милая моя, если ты считаешь себя достаточно большой и лютой, чтобы надрать задницу двум сестрам Клэнси, тогда тебе бы следовало припасти ужин, потому что это займет у тебя всю чертову ночь, – сказала ей Тауни.

Очевидно, Тауни добралась сюда раньше Харпер и уже пропустила пару стаканчиков, потому что в ее глазах горел огонь, а кулаки были сжаты. Ее младшая сестра, может, и казалась маленькой и хрупкой на вид, но если влить в нее две «маргариты», она способна надрать зад медведю-гризли с одной рукой, связанной за спиной.

Здоровенный вышибала сомкнул лапищи размером с окорока вокруг рук Дейзи и Тауни и поволок их вдоль зала. Другой вышибала крепко ухватил под руки Харпер с другой сестрой и последовал за ним. Выведя девушек на улицу, громилы толкнули их с такой силой, что Дейзи ударилась о землю, а Харпер пришлось проявить чудеса эквилибристики, чтобы не наесться гравия.

– Ты испортила мне вечер, – завизжала на Харпер Дейзи, вскочив с земли. – Мы отмечали мой развод.

– Как жаль, – сказала Харпер, продолжая ловить капающую с подбородка кровь и направляясь к своему пикапу.

– Без мужа, без детей. Я впервые за двадцать лет могла оторваться. Какая же ты тварь, что все мне испортила, – проревела женщина.

– Не стоит называть человека, который только что тебя искалечил и нос разбил, тварью, если не хочешь получить еще. Ты что, бросила своих детей? – сказала Тауни, оглянувшись через плечо.

– Всех до единого. Меня тошнит от нытья подростков, обвиняющих меня в разводе, – невнятно пробормотала она.

– Ты больная на голову, – прошептала Харпер.

– Что ты сказала? – вскричала Дейзи.

Харпер повернулась к ней и повторила еще раз.

– Не суди меня, если не была на моем месте, – прорычала Дейзи.

Тауни шагнула к ней, но Харпер остановила ее свободной рукой.

– Она не стоит того, чтобы сидеть из-за нее в тюрьме. Просто уйди, – сказала Харпер.

– Тюрьма того стоит, – пробормотала Тауни.

– Тогда подумай о дяде Седе и бабушке, – сказала Харпер. – Хочешь, отвезу тебя домой?

– Нетушки! Я не пьяная, а просто слегка подшофе, – возразила Тауни.

Дейзи бросилась через всю парковку и резко толкнула Тауни.

Харпер встала между ними и посмотрела на женщину сверху вниз.

– Тронешь ее еще раз, и я разнесу всю парковку вместе с тобой, дрянь.

Дейзи попятилась, а Тауни села в свою маленькую спортивную машину, завелась и выехала со стоянки под визг шин.

Харпер забралась в свой пикап, заперла двери, сняла рубашку и прижимала ее к порезу на подбородке все время, пока ехала на юг к озеру, положив другую руку на руль. Когда она парковалась перед своим коттеджем, из раны все еще сочилась кровь, и ее начало ужасно щипать.

Она вышла и увидела Тауни, ждущую ее на крыльце, а также Дану и Брук, поднимающихся с берега озера. Харпер хотела пройти мимо, но Тауни уперла руки в бока и сердито на нее посмотрела.

– Ты бы мне лучше «спасибо» сказала, – заявила она.

– За что? Я могу сама о себе позаботиться. Мне не нужно, чтобы ты влезала из-за меня в драки, – сказала Харпер.

К ее подбородку возвращалась чувствительность, и рана начала адски саднить.

– Боже мой! Что случилось? – воскликнула Дана.

Они обе затараторили одновременно, сваливая друг на друга вину за испорченный вечер. Наконец, Дана хлопнула в ладоши, чтобы они повернулись и обратили на нее внимание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.